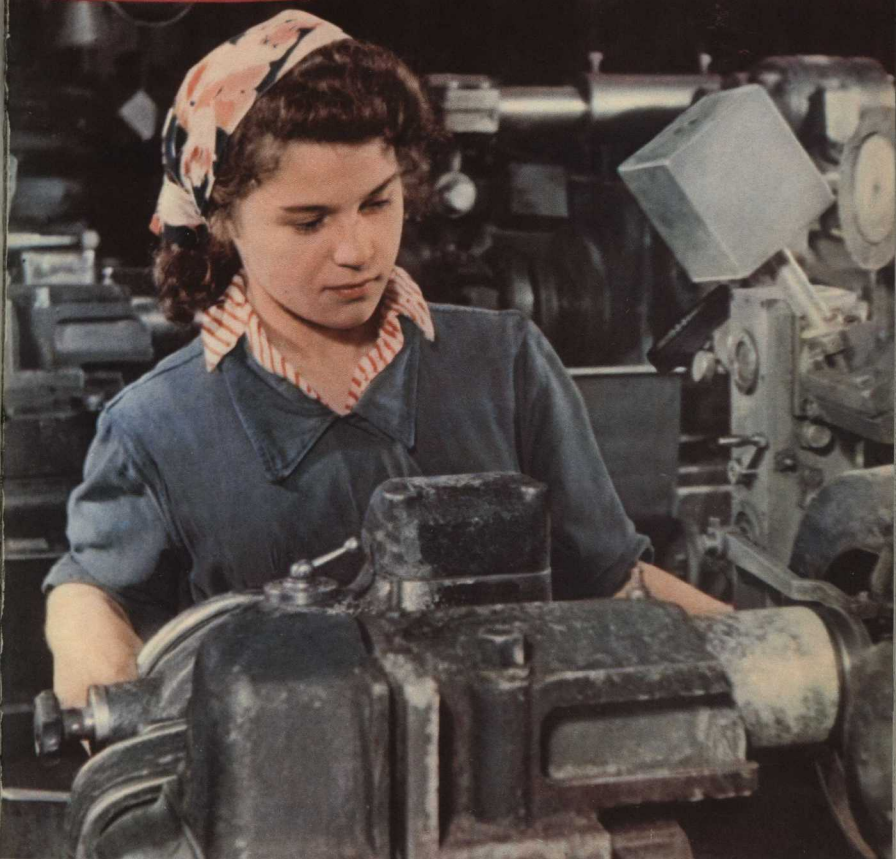

ВСТРЕТИМ ПЕРВОЕ МАЯ
НОВЫМИ ТРУДОВЫМИ УСПЕХАМИ!

СМЕНА

8

1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Умеренно, но не затягивая

Да-ле-ко-да-ле-ко на-ша ло-д-ка пл-ыве-т, а гар-
монь над ре-ной все по-ет и по-ет. Ве-чер ти-хий та-кой, так при-
вет, как твой взгляд. Она на-ши серд-ца о-люб-ты го-во-рит. Ве-чер
наши серд-ца о-люб-ты го-во-рит.

mf *rit.* *Бой.*

Далеко-далеко наша лодка плывет

Слова А. САЛЬНИКОВА.

Музыка В. МАКАРОВА.

Далеко-далеко

Наша лодка плывет,
А гармонь над реной
Все поет и поет.

Вечер тихий таной,

Так приветливая твой взгляд.

Снова наши сердца

О любви говорят.

Светят нам с берегов

Золотые огни.

Хорошо, что сейчас

Мы с тобой одни.

А кругом все цветет —

Это наша весна.

Новым счастьем, мой друг,

Нас встречает она.

Не спомынут всю ночь

За реной соловьи.

Ветерок озорной

Треплет лудки твои.

Скоро вспыхнет заря

Над родной стороной,

Но не хочется мне

Расставаться с тобой.

Мне шесть тысячек

Горновой пробурил лунку и через несколько минут стальной пилой пробил твердую корку, закрывавшую выход металлу. Вдоль желоба метнулись огненные брызги, и тотчас же все вокруг озарилось ярким светом: пошел чугун!

Отойдя в сторону и прикрыв лицо рукой, горновой смотрел на осветительную струю. Металл шел хорошо, поток становился полней и полней.

— Дмитрий Карпета — первый горновой! — без гордости сказал о нем мастер печи Леонид Рябцев — бывший артиллерист... Да он и здесь при пушке, — пошутил Рябцев, кивнув в сторону механизма, который действительно называется пушкой, хотя напоминает скорее торпедный аппарат. Этой пушкой горновой, по выражению доменишников, «закрывает чугун».

Мы стояли на мостике, соединяющем рабочие площадки двух соседних печей. Отсюда хорошо было видно, как у главного перевала выкатывался металл. Вот, преодолев преграду, чугун солнечной струей хлынул в ковш чугунозвона.

Десять... пятнадцать... двадцать минут. Чугун наполнил уже третий ковш, а металл все еще шел полным потоком. Чуть прищурив глаза, Рябцев глядел на голубоватые искры, влетающие над ковшом.

— Прошлые сутки дали сверх плана сто восемьдесят тонн, — сказал он спокойной.

— А качество? — Превосходное! Серы — ноль тридцать три. Это ниже предела. Бывает, и сожалению, и выше. Приходится даться за каждую тысячную процент! — Рябцев помолчал, потом достал записную книжку и простеньким колонновым переплетом. — Вот посмотрите наши обязательства.

Он показал мне небольшую колонку четко написанных цифр и пояснил: здесь свердловский чугун, вот экономия кокса, а это — содержание серы... Простые цифры говорили о многом: о начавшейся и простиравшей еще борьба за металл, о творческом труде, который постоянно требует большого напряжения, глубоких знаний, воли, смелости.

— Хорошие цифры! — Хорошие, — повторил Рябцев и, улыбаясь, добавил: — Вариант второй, так сказать, переработанный и дополненный.

Позже я узнал, что имел в виду мастер, говоря о втором варианте.

Седьмая доменина вступила в строй и третьем году пятой пятилетки. С первых же дней ее работы у приборов в газовой будке, на горне, под бункерами, у контроллеров вагоновосов — всюду встали молодые доменишники, вчерашние питомцы техникума и ремесленных училищ.

Умело используя передовой опыт лучших мастеров доменного цеха, таких, как Василий Кононович Горюшков, Николай Ильич Сошников, Алексей Львович Шаткин, домениш-

...Вдоль желоба метнулись огненные брызги, и тотчас же все вокруг озарилось ярким светом: пошел чугун!

Фото М. Озерского.

ни комсомольско-молодежной печи из месяца в месяц улучшали коэффициент использования полезного объема, повышали качество металла, уменьшали расход кокса, снижали себестоимость чугуна. По примеру старших товарищей они внедрили новый режим нагрева печи, применили более совершенную систему загрузки, повышенное давление газов на колосники, офлюсованный агломерат... С каждым годом дружнее и крепче становился коллектив, совершенствовались методы труда,

вырабатывалось единство стиля работы горновым, мастерам.

Отлично освоил специальность мастера молодой инженер комсомолец Леонид Рябцев, пришедший в цех после окончания Магнитогорского горнометаллургического института. Он стал хорошим технологом, настоящим хозяином печи, организатором производства.

Одним из лучших газовщиков цеха по праву считается комсомолец Иван Лобай.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Апрель. № 8. 1956 год.

Год
издания
33-й

Из нагревательных колодцев слитки идут в прокат. Первосортную сталь получит Родина!

— Мой первый помощник, настоящий помощник,— отзывается о нем мастер Трофим Иванович Бородин, проработавший на печи более двадцати лет.

Труженики Магнитогорска оказали молодую доменичку большое доверие, избрав его депутатом Верховного Совета РСФСР.

Отличным горняком стал Дмитрий Карпета, фронтовики, бывший командир орудия, любивший работу у горна, как самую, по его словам, горячую и почетную.

Крепнет мастерство молодых доменичков. Задания последнего года пятой пятилетки комсомольско-молодежная печь выполняла досрочно. Доменички дали стране сверх плана многие тысячи тонн металла.

Однако социалистические обязательства на новый год, принятые коллективом печи в начале января, многим показались слишком осторожными, особенно пункт, касающийся сверхпланового чугуна.

— Четыре тысячи тонн! — удивлялись на комбинате.

— Четыре,— отвечали доменички с некоторым смущением, чувствуя, что такая цифра едва ли приведет кого-нибудь в восторг.

— А в прошлом году вы обещали дать десять!

— Правильно.
— А дали шестнадцать?
— Шестнадцать. Но ведь план увеличился...

А в декабре печь расстроилась: до сих пор как следует не выровнялся ход. Да и плановый ремонт надо учесть, раздувающий период... Сумеет дать больше — дадим.

Но, оправдываясь перед товарищами, комсомольцы порой сами задумывались: правильно ли оценены возможности? Многие из них начинали понимать, что обязательства могли бы быть более смелыми.

...Директивы Девятого съезда партии по шестому пятилетнему плану, всколыхнувшие всю страну, нашли горячий отклик и в цехах комбината. Рабочие, инженеры и техники вновь сидели предложины, направляемые на более

полное использование внутренних резервов производства.

Встретив как-то Рабцева, секретаря цехового партийного бюро Голянков спросил его:

— Ну, комсомол, сколько будем давать чугуна через пять лет, а? — И сам же ответил: — Пятьдесят три миллиона!

— Пятьдесят три,— подтвердил мастер и улыбнулся, угадывая тему предстоящего разговора.

— А новых мощностей будет введено только миллионы на шестнадцать — шестнадцать... Так ведь? Вот и встанет перед нами большая задача. Понимаешь? — И неожиданно спросил: — А как у вас в бригадах насчитывают резервы?

Рабцев засмеялся:
— Найдутся.
— И другие так думают?
— У нас коллектив дружный...

Вот в эти-то дни новобывалого трудового подъяма комсомольцы седьмой доменичной печи решили принять новые, повышенные обязательства. Они поговорили с начальником смены, с технологами, с мастерами других печей, побывали у механиков, ремонтников. Николай Ильич Савичев, один из лучших мастеров цеха, которого Карпета по фронтовой привычке называет соседом справа, сказал:

— Правильно решили, ребята. Возможности у вас есть. А помощи нужна будет — не откажем, это вы сами знаете.

— Чугуна мы можем дать значительно больше,— уверял Рабцев товарищей.— Для этого надо ход печи как следует отрегулировать, просто сократить вдвое против прошлого года. И ремонт можно провести сутки на трое быстрее.

— Нужно разработать скоростной график ремонта,— предложил горновой Дмитрий Карпета.

— Вот если бы после этого ремонта восстановить кампанию печи на всю пятилетку! Ведь можно а? — включился в разговор Геннадий Конев, заместитель секретаря комсомольской организации.

— А было бы здорово — пять лет без ремонта! Вся шестую пятилетку! — поддержал Рабцев.

— И присовоить нашей печи имя шестой пятилетки!

— Правильно! Попросить горком комсомола!

Возможности и резервы есть — это стало ясно каждому, нужно только привести их в действие.

...И вот на какое-то время газовая будка седьмой доменичной печи обмывала рабочая коллектива комсомольско-молодежной печи. Сегодня сюда пришел мастер, газожик, горновой, машинисты вагоновосов. Пришли из городского и заводского комитетов комсомола, был здесь, конечно, и Голянков. За час до начала собрания начал расплывать у окна свое сложное осветительное хозяйство вездесущий фотограф заводской многотражки.

Проспект Металлургов. В этих светлых, благоустроенных домах живут рабочие Магнитки.

— Экономь магний, дорогой! — шутки домениции, рассаживаясь на стульях и скамейках. — Побереги до волейбольной встречи с прокатчиками...

Собрание открыл заместитель секретаря комсомольской организации цеха Геннадий Конов:

— Мы собрались для того, чтобы обсудить проект новых социалистических обязательств. Обсудить и принять решение...

Проект новых обязательств домениции слушали внимательно. «Из одной тонны недоброкачественного чугуна мартованам», — говорили в проекте. — Выплавлять чугун с содержанием серы не выше 0,035 процента... Досрочно выполнить план 1956 года и дать сверх плана восемь тысяч тонн чугуна... Сократить расход на пятьдесят процентов против прошлого года... Сократить расход кокса на заправку каждой тонны металла на десять процентов... Довести срок службы печи между средними ремонтами до пяти лет...»

Это были хорошие, смелые цифры, наступающая боевая программа и передовый шестой пятилетки. Об этом горюлины выступали, это чувствовал весь коллектив комсомольско-молодежной печи.

— Обязательства, которые мы принимаем сегодня, — говорил Рабцев, — ставят перед нами задачу полностью использовать новую технику, совершенствовать технологию. Иначе мы не сможем идти вперед, а стоять на месте не имеем права. Сказали свое слово и первые горюлины Карпета и Душина, мастер Бушуев и газетчик Жинин. Их выступления были немногословны, о самом главном: как организовать ремонт, как лучше расставить силы.

— Мы не просим создавать нам никаких особых условий, — заявил первый рабочий. — Но пусть конкован дают нам хороший кокс, агломератчики — хороший агломерат, ремонтники пусть обеспечивают высокое качество ремонта!

— У вас хороший коллектив, — сказал секретарь цехового партийного бюро Гоманков. — Но комсомольцы, молодежь могут и должны работать еще лучше. Надо учиться, повышать свою квалификацию каждый день, каждый час... Хорошо, что у вас третий горюной может заменить второго, а второй — первого. Хорошо, что все вы овладели специальностью крановщика и сами работаете на кране. Но плохо, когда некоторые горюлины не заглядывают в газовую банку, не интересуются показаниями приборов. А это было бы для них очень полезно. Ведь завтра горюной может стать мастером, если, конечно, он достаточно подготовлен.

Новые, повышенные социалистические обязательства на 1956 год были приняты единогласно. Коллектив комсомольско-молодежной печи обратился с призывом к молодежи промышленных предприятий Урала широко развернуть социалистическое соревнование за досрочное выполнение плана 1956 года и заданий шестой пятилетки.

***

День и ночь стоит на трудовой вахте прославленная домениция Магнитки. Непрерывным потоком идет чугун. Кончается выпуск металла на третьей печи — начинается на седьмой; горюной седьмой печи только подошел к пульту, готовясь закрыть летку, а на первой уже ярким светом озарился весь литавный двор... И в газовых будках и в диспетчерской на панелях вспыхивают и гаснут зеленые лампы: третья, седьмая, первая, шестая, вторая...

Идет чугун... В тяжелых чугунозавоз его отправляют в сталеплавильный цех, сливают в огромные миксеры, а потом — в мартены. И вот уже рождается сталь — добротная магнитогорская сталь, которая так нужна нашим заводам и стройкам, городам и селам...

Идет чугун... В этот могучий непрерывный поток вливается и металл, который плавят молодые домениции комсомольско-молодежной печи имени шестой пятилетки.

Н. НЕПОМНЯЩИЙ

г. Магнитогорск

Хулио МАТЕУ

БОЛЬШИЕ ДОРОГИ

Хулио Матеу, как и сотни его соотечественников в поисках повзду родины и поехал в Советский Союз. Молодому испанцу предоставили возможность учиться. Получив образование, Матеу стал толпарем на одном из химических заводов. Так у Матеу стало две родины: Испания и Советский Союз. Он горячо любит свою вторую родину и никогда не забывает перую. Публикуем несколько стихотворений Хулио Матеу.

Я вернусь

В Испанию вернусь я снова,
И что мне путь и что мне срок!
Оставлю все: и дом свой новый,
И связку книг, и мой станок.

Неодолим магнит народа,
И я вернусь: люблю путьем:
Хота бы в трюм парохода,
Хота б пешком, хота б ползком!

Вернусь еще черноволосым,
А может быть, уже седым.
Прижмусь к береговым утесам,

Вдоху рыбачьих жижин
дым...

Пусть угрожают мне расправой,
Дорогу кровью заслужу
И целый мир любви и славы
К ногам Испании сложу.

Народной мезтью, грозной,
И счастьем родины кланусу.
Вернусь я рано или поздно,
Живым или мертвым, но вернусь.

Рисунок В. Орлова.

Те слёзы, как звезды...

Ты не видишь, — я счастлива,
Я не плачу, мам! Только давние слезы сами льются упраму.

В торчму — ты поминишь! —
Мы с тобой причмались, с тобой навеки мы с тобой прощались.

Две родины

Случилось так, что на свете две родины у меня.
Велевшим сердцу к обеим навеки привязан.

В Испании свет я увидал,
а с жижью она мне дала и ветер, и запады, и песню, и змелю горя и зла.

Она мне виделась дубом:
ударил молния в ствол,
и злобный огонь беспощадно мой дуб пополам расколол.

О новом, о лучшем мире шептала мне сказку мать,
не жалея, что сыну уедает ту сказку в жижю узнав.

Россия дала мне без пробы
а плачу вместе с другой...

большие дороги свои,
веселую верную дружбу
и дар безграничной любви.

В рано сабоды береза берет высока и стройная,
и дубу я крану печали,
как сказка, снится она.

Сплетаются ветви деревьев,
тепло для семьи берегут...
Пусть радом, в Мадрид и в Мадрид,
береза и дуб зацуют!

Две родины в сердце ношу
я.
Две родины всюду со мной,
с одной научился я счастью,
а плачу вместе с другой...

Он заплакал — те слезы я впадал в себя, мам! Вот и жгут он сердце, вот и льются упраму.

Те слезы из сердца, не из глз проступают. Те слезы, как звезды, ночь освещают.

За думою дума, голова пылает. Слышу голос мертвых, он вперед призывает.

Я не плачу, я счастлива! Память силу рождает. Вперед, я вину. Мой народ победает.

Перевел с испанского О. САВИН.

Хочу художником я стать

Где кисти, краски мне найти?
СССР — наш сад великий,
Он весь в цвету; я поднеси
Ему хочу мою газодню.
Чтоб смог пышнее он цвести.

Газодню дождю прелестной
Для косяк он мне дать не жалея,
Пусть с ней соцветит она чудесный
Дворец-метр, под свод небесный,
Где вместо звезд блещит хрустал.

Вплету в букет цветков в скромный,
Он сорван любящей рукой
Ме Эбро, — как рубин огромный,
Испанской кровью неуныной
Горит он над Москвою-рекой.

Газодню юной китанке
Я подарю, не в одну,
Очаровательной смуглянке,
Она в Советскую страну
К нам привезла свою весну.
Испанду брату в знак приветия

Я, ничего не говоря,
Газодню розового цвета
В летнюю пропущу жижета —
Пусть светит сердцу, как заре!

Цветы любви, в вас столько ласки,
Ну как мне вас не написать?
СССР цветет, как в сказке!
О дайте кисти мне и краски —
Хочу художником я стать!

Перевел с испанского
Федор КЕЛЬИН.

НЕОРГАНИЗОВАННЫЙ ЦЕЛСВЕК

Рассказ

Я воспитывался в детеме. У меня не было длительных раздумий, куда поступит работать. После десятилетия пошел на Тракторный.

Каждое утро по хрусткому снежку спешил я на завод. Входил в цех, и меня одавало жаром нагретых машин. Я с удоровавшимся сердцем ловил, пахнувший эмulsion, маслом, горючею окалины.

Никогда раньше я не думал, что в механическом цехе может быть такое обилие и разнообразие красок. В дальнем пролете цеха то вспыхивал, то гас голубой свет, а с железных балок перекрытия сыпалась тяжелая, мелкочастичная в полете искры электросварки. Сверху, через окна, проникали холодоустойчивые лучи неяркого солнца. Ослепительно белые стальные стружки вылились из-под резцов.

Сознание того, что я тоже строю тракторы, что имею самое близкое отношение к людям цеха, к их делам, наполняло мою душу гордостью и счастьем. От волнения даже глаза пощипывали.

Девушки в цехе поговаривали: «Он такой переживательный! Он поет...»

У меня не пришло, как они узнали, что я пишу стихи. Вель я читал их лишь одной Тамаре. Она работала заточницей в цехе режущих инструментов. Какая чудесная эта девушка! Не то чтобы красивая, нет, но глаза ее, темные, с лунковиной, не давали мне покоя. Собственно, не в глаза даже причина... Да разве рассказажу, почему нравится девушка?

Домой после вечерней смены мы уходили вмести.

Сразу за проходной высидели голубые стукоты. Они мерцали под дуною иридаданя зеленых блистек.

Тамара бросала в меня снегом и убежала в темную заточенную аллею, которую вела к общежитию. Я догнался ее, подхватил

вал на руки и нес к самому большому струбру.

— Витка! Сумашдешный! — кричала она, вырвалась, и такая трогательная тревога пощипывала ее на лице.

Я бросал ее в струб и смеялся, глядя, как она бархатится в снегу.

Но близкая к минуте веселья, Тамара все же умела держать меня на расстоянии. Я нередко чувствовал ее преследование. Это и радовало меня и печалило.

Я читал Тамаре стихи, которые звучали как любовное признание.

Девушка не принимала их всерьез.

— Как-то они у тебя, Витя, слишком уж задушевные, — говорила она. — Я, конечно, не злиток, но, по-моему, надо писать проше.

***

Прошел месяц, может быть, два, и постепенно мое приподнятое настроение исчезло. Уже не испытывал я такого волнения, когда входил в цех, не веселила сердце игра красок. Словом, наступила будничность, проза жизни.

Может быть, случилось это потому, что с работой у меня не ладилось. Мне казалось, что в этом виноват станок-полуавтомат, на котором я делал первую обточку оси трактора. Ось эта весила после закалки, в первоиздан, так сказать, виде, восемьдесят два килограмма. В мои обязанности входило прирывать ее по ролямгу, вить подьемником, вставить в люшты, закрепить и нажать кнопку. Давные станок работал сам и, обточив деталь, автоматически отключался. Я тем временем мог бы сидеть на крашке станым и минуты три придумывать, скажем, фрезы или о чем-нибудь мечтать. Но такое минуты выдавались редко.

Во-первых, огромная деталь, вращаясь в люшетах, своей тяжестью обычно ослабляла крепление и начинала «бить». Во-вторых, резцы нередко «отскаки-

вали», а иногда и ломались. Просидев я крепление и ось, и ты и дело стало менять для заточившей резцы.

Норму я выкатывал с трудом. Бросил готовиться в институт. На безу, и отношения с Тамарой не ладились. Наверное, ей надоели мои жалобы на неудачи. Она выслушала их снисходительно, иногда чему-то усмехалась. Это меня злило. «Не любить!» думала я с горечью и унылом на целые недели. После работы мы уже не шли вместе домой. Приблизжались пора экзаменов, и Тамара все чаще запросто просиживала в заводской библиотеке. А на заводе встречала меня уже без прежней улыбки.

Как-то в ответ на мои унылые сетования Тамара довольно холодно заметила:

— Надо, Витя, мозгами шевелить, а не все на станок сваливать. Посмотри убо, как другие ребята...»

Меня чуть не взорвало от этих поучений. Ни слова не говоря, я повернулся и ушел. Как будто я хуже других! В конце концов норму-то я выполнил...

Постепенно я смирился, привык к моему незаметному положению в цехе.

Однажды стало известно, что завод посетит делегация китайской молодежи. Наши комсомольцы начали готовиться и встречные, дали и мне поручение писать призывы. Пришлось потрудиться: призывы-то были на китайском языке!

Наконец гости приехали. Они переходили от станка к станку, восхищались успехами моих товарищей. Мимо меня они проходили, не задерживаясь. Гостей сопровождал наш мастер и, понюхав, у моего станка не останавливался: показывать было нечего.

Я посмотрел им вслед, и на душе стало горько. Никому не было дела до того, что я три вечера корчился над призывами, что мне так хотелось поговорить с какой-нибудь парничкой из Нового Китая. От обиды я чуть не уронил деталь. Ни на кого смотреть не хотелось. У моих товарищей на замасленных крашавках китайские молодежные значки, а у меня...

А тут еще некстати появилась Тамара. Разные она никогда не подходила к станку, отговариваясь тем, что, мол, в рабочее время не стоит этого делать: разговоры пойдут. Конечно, не будь я ей безразличен, не побоялась бы разговоров и время наша.

Виснув я остался раздумывающим и приходу Тамары, а вель сам только и думал о ней.

— Я пришла спросить, — запинаясь, начала Тамара, — ты бу-

дешь сегодня во дворце? Там встреча с китайской делегацией. — Не знаю.

— А то я оставлю пригласительный билет?..

— Не знаю. Оставь, пожалуйста... Она положила на станку зеленый листочек.

— У тебя что-нибудь не ладится, да? Ты все бегаешь в заточный...

— Да так, станок бьет.

Тамара будто не слышала моих слов.

— Странный ты, Витя, человек. Негадуй впродолжение... она опять запиналась, — а вроде, как бы какой-то, все меняется... Как бы тебе сказать это? Вообще...

Я хмуро перебил:

— А ты не «вообще» Ты факты давай!

— Неудачно ладить. Про институт забыл, не готовишься. Я думала, занят, может, каким усовершенствованием... Осталь ты, Витя.

Тамара осторожно взглянула на меня, и поудалила мне в этом взгляде жалость. А я не хотел, чтобы меня жалели! И с каким-то таинственным злодством и пошлостью в слова:

— В институт не готовился. Остай. И так далее... А у меня темперамент такой — свингины и, слышал? Слюсобен улетаться, но быстро оставаю.

— Ты шутишь, что ли? — спросила Тамара и, чтобы скрыть обиду, подошла к станку, стала сверять на резцы. — Крепление у тебя неважное. Надо бы заменить. Но почему ты работаешь победитовым резцами?

Голос у нее все еще обидно дрожал.

— А что? — Разговор перешел в деловую, как говорится, плоскость, и у меня сразу пропала досада на Тамару. — Ты разве не видишь, какой слой металла и снимаю? Быстрорежущая сталь такой нагрузки не выдержит, «сырлет».

Я был не прочь похвалять своей осведомленностью, но Тамара, не обращая внимания на мои слова, продолжала:

— Для обработки этой детали вряд ли годится победитовый резец. Да, да! Ты мне перь невозможно, я же заточница. Но что тебе посоветовать, я сейчас, право, не скажу. Поразмисли надю.

Она говорила, в общем, верно, но мало ли ее словах было радости для меня.

— Подумаем и мы, — ответил я и наклонился над станком.

Тамара ушла. Хорошего разговора не получилось.

Когда я пришел в общежитие, мне бросилась в глаза открытка, лежавшая на столе. По высоким ногам, изображенным на ней, и по иероглифам я догадался: открытка на Китай.

— Что это? — спросила я у соседки по койке фрезеровщица Вася Гольцова.

Вася отодвинула стакан с чаем в сторону и как будто даже обиделась:

Геннадий ПЕТРОВ

Моя профессия

Висит спецован в душевой
На теодорон в кладу.
В нем авезлю голоса,
Услышав зововая.

Грмыт раскисный дунок,
Рожденный силой пара,
Моем сладок масляный дунок
Моей рабочей пары.

Теперь и в мыслях и в душе
Поню и равновесие
Вель твердо выбрана уже
Хорошая профессия.

Еще недавно был юнца
Волнения, экзамены,

Упрям братя, гнил отцы
И даме слезы мамы.

Все в институты шли из школ
И в беспечный быт,
Пришла, мне все. Но не прошал —
Не выткну по баллам.

И поню я тогда, что нет
[Взглянул на все критично],
Пришла, мне все. Но не прошал —
И ни даме в юридический.

Теперь и в мыслях и в душе
Поню и равновесие
Вель твердо выбрана уже
Хорошая профессия.

— Не видишь, написано: «Русскому брату Васе Гольцову»? Там еще фамилия такая трудная, не упоминай я.

Слова Васи вовсе разбередили мою рану. Вдохнул, прилег я на койку.

«В чем же все-таки дело? Ну, пусть я «неорганизованный», пусть Тамара права. Бывает у меня срывы, нет выдержки, вздорный нрав. Пусть так. Но ведь все это неспроста. Детство я провел у чужих и не очень ласковых людей, пока наконец не попал в детдом. В трудные минуты только и было одно утешение — книги. За Павлом Корчагиным, за Молодогов-дедками, за Мересьевым я готов был пойти в огонь и в воду. Как же так получилось, что теперь чувствую только столкновение с трудностями и уже спасаюсь?»

Жарко мне стало. Обстал с койки, взяв листок бумаги и, забывшись на тумбочке, начал рисовать. Получился резец с тупым углом. Этот рисунок появился не случайно: в последнее время я много читал брошюр о скоростных и подумывал о том, чтобы резать металл тупоугольными резцами.

***

На следующий день я по-новому заточил резцы и с волнением включил станок. Можно было ожидать что угодно, только не то, что случилось. Станок работал с большим напряжением, его буквально «слыхорядило». Тупые резцы со скрежетом врезались в металл. Они держались крепко, но деталь едва-едва вращалась. И вдруг задымил мотор.

Я выключил станок и вызвал электрика.

Цыган что-то... — сказала я инженеру. — Ты посмотри. Наверное, обмотка...

И пока электрик копался в моторе, я быстро заменил заполоучные резцы прежними, остроугольными.

Моя затея провалилась. Не так уж мудро было догадаться, почему это случилось. Скоростники, основываясь на точном расчете, работали тупыми резцами на громадных скоростях, и резцы не резали, а как бы выжимали, «сплавляли» стружку. А о каком расчете могла идти речь у меня, если я заточил резцы произвольно, лишь бы углы получились тупыми, и закрепил их в станке на анось?

Хорошо еще, что дело кончилось лишь задымившим мотором. Я пошел к технологу сестры и спросил у него книги по резцам, вернее, по резцунным сплавам. Он посоветовал кое-что взять в нашей технологической библиотеке и спросил, зачем это мне. Я чувствовал себя еще так неуверенно, что постеснялся высказать ему свои печали, и ответил уклончиво.

— Так, подковаться малость хочешь. — Прощло немало времени — я «подковался». Не знаю, откуда у меня такая упорство вышло, даже интерес. Но только не хотелось когда-нибудь опять пережить такую обиду, как в тот день, когда мастер провел китаецке мимо моего станка.

Я обратил внимание на быстроту. Почему-то считалось, что быстротезующая сталь не выдержит нагрузки, которую дает ось при черновой обработке. Однако вышло то, будто бы да, кончалась «шейка оси», но слишком много нужно было снимать металла.

С таким слоем быстрорезы на других станках справлялись успешно — в этом я уже убедился. Я прикинул и решил работать комбинированными резцами. На толстых, с напильниками буртах оставил победити особой заточки, а на «шейке» закрепил быстрорез.

Но на этот раз я не самовольничал. Позвал мастера. Он подошел и начал потирать руки с таким видом, будто хотел сказать мне что-то чрезвычайно приятное. Но я знал, что приятного мастера ничего не скажет, просто у него привычка такая.

— Ну-с? — Никита Петрович взглянул на меня поверх очков выцветшими глазами. — Опять станок не ладит? Опять тебе резцы с напильниками сверхгерою сплав? Не могу, мил человек. Не могу!

— Хорошо, хорошо, — закивая я головой. — Но я хочу заменить победити быстрорезами. Вот здесь, на «шейке».

— То есть как это заменить?

— И я рассказал ему о своем замысле.

Когда Никита Петрович узнал суть дела, он даже руки перестал потирать. Прокашлявшись, сказал:

— Гм, гм... Пожалуй, верно! Да, да, попробуйте. — Мастер сразу перешел на «вы». — Если что будет нужно, обращайтесь ко мне без стеснения.

Никита Петрович собрался было уходить, но вдруг вернулся к станку и спросил: — Самая я, стили пишете? Похвально, одобряю... Любопытно бы, так сказать...

Я почувствовал, что медленно и неотвратимо краснею.

— Полагаю, о рабочем классе пишете... У вас это должно получаться. Соприкасаясь, так сказать...

Заговорил уже не с рабочим, а с «любом», Никита Петрович перестроил свою речь на выспренный манер. Но мне вовсе не было смешно. Старик не казался как раз о рабочем-то классе стили я не писал.

Но дело не в стилих. Заменял я победитиные резцы быстрорезами — и они выдержали, хотя нагрузка была подлохшая. Резко мне теперь пришло в голову бегать в «заточку». Выработок пошла вверх. И опять, лишь только я входил в заводской корпус, у меня начинало подниматься глаза. Этакая глупая впечатлительность!

Рисунок В. Бордзильского.

Как-то пришел я вечером заступать в ночную смену. Мой напарник, Коста Огладкин, тощий, остроносый парень, готовил к сдаче станок. Он все еще не решился заменить победити и работал по старинке, не очень прищипливо... И вдруг поднывает нас Никита Петрович. Лицо у него сердитое, красное, голос взволнованный.

— Срываешь график, товарищи! Сборный цех простаивает из-за нехватки осей. Надо постараться и дать двойную выработку. Огладкин запротестовал:

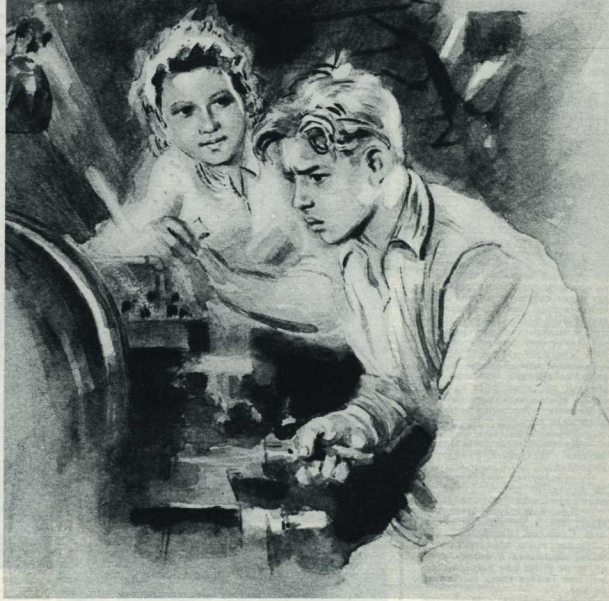
— Ну, двойную! Вы скажете. Это же восемьдесят деталей! На наших лрландуэстах за смену столько не дашь.

Я подумал: зря Огладкин наговаривает на станок. Если подкачать... И, не колеблясь, даже как-то слишком хладнокровно сказал: — Дам восемьдесят деталей за смену.

Огладкин даже за живот схватился: так ему стало смешно.

Никита Петрович потер куки и поддержал меня:

— А Виктору верю. Выполнил он две нормы. Радостно стало мне от этих слов. Убрал я с рабочей площадки все лишнее, каждый ключ по-

БУДУТ ХОРОШИЕ ВСХОДЫ

ложки на предназначенное ему место — и пошел! Ни одна минута не пропала у меня даром. Я проталкивал отбоченные детали дальше по конвейеру, и вскоре от соседних станков, где шла последующая обработка осей, мне крикнули, чтобы я еще очень налегал, а то «завалил»...

— Сколько? — ревниво спросил Огладки, когда я пришел заступать на смену.

— Восемьдесят.
— Ну-у?.. А я шестьдесят через силу.

— Меняй резцы, дурак! — в сердцах сказал я ему. — Ждешь, когда тебе директиву спустят?

Огладки почесал затылок:

— Да, придется...

На третий день, часа за два до конца смены, когда заготовок уже было почти достаточно, у меня случилась неприятная история победитовой резки. Плотного кюча под руками не оказалось, пришлось бежать к соседу. По дороге я потерял тапочку и наскочил на острую, как бритва, флютовку от перегрева стружки. Строчая я не почувствовал боли, и лишь когда надел тапочку и ощутил в ней что-то мокрое, понял, что произошло. «Не беда, — подумал я, — идти в медпункт — это терять часа два. А мне осталось обработать каких-то двадцать осей.»

Проходя мимо Тамары, я старался не хромать. Но когда шел обратно, она посмотрела на меня сквозь предохранительные очки и победилена. Выключив станок, подбежала ко мне:

— Покажи ногу!

— Да так, пустяки, — сказал я, пытаясь отстранить Тамару. — Царапина...

Но отмахнуться от Тамары было не так-то просто. Глядя на меня строго, она проценила:

— Иди немедленно к врачу! Иди... или я не знаю что сделаю. Слышишь, Виктор?!

На нас стали поглядывать. Я молча заковылял к своему станку, но не успел еще зааренить резец, как Тамара снова подбежала ко мне.

— Дай перевяжу! — И торопливо сорвала с головы косынку.

— Да тебе-то что за печаль? — сказал я. — Некогда мне, ты пойми...

Я старался не смотреть ей в глаза, чувствуя, что говорю не так, надо бы помягче. А когда взглянул на девушку, от неожиданности замер: в глазах Тамары стояли слезы.

Сколько я себя помнил, никто никогда из-за меня не плакал. Никто и никогда!

Я поставил ногу на конвейер и сказал вдруг охрипшим голосом:

— Ну, перевяжи...

Тамара осторожно сняла тапочку и туго перевязала ступню.

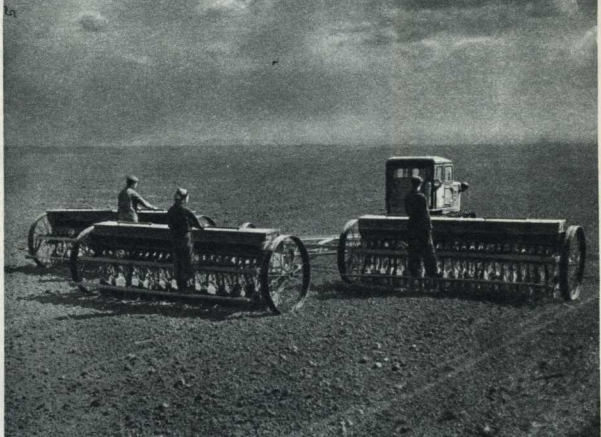
Ее слезы ошеломили меня. Так вот оно что! Она меня любит, любит! Как же я, дурак, не мог понять это раньше!

Последние детали я обтачивал будто во сне.

А когда подошла Тамара, уже одетая, я пуковым плачем, грустью и тоской, у меня не нашлось ни одного слова... Молча стоя я до тех пор, пока она, не обращая внимания на любопытные взгляды рабочих, взяла меня под локоты и тихо сказала:

— Пойдем.

И я пошел, опираясь на ее руку. Рана заболела, но на шутку. Но мне было весело. Мне было радостно.

— Сегодня засеяли двадцать шесть гектаров! — сообщает по радио диспетчеру тракторист Виктор Ровенских.

Фотограф А. Пахомова.

Чем ближе мы подвигались и друнему Азову, тем шире становился Дон. В воздухе мушкетировало прохладное дыхание недалекого моря.

Вот и сам Азов. За последние годы он разросся. Машино-тракторная станция, построенная двадцать пять лет назад за городской чертой, теперь стала частью города. Станцию окружают красивые одноэтажные коттеджи, в которых живут механизаторы.

На просторном дворе центральной усадьбы стоят вычуженные туи. К кирпичной оградке мастеровским принамет большой фруктовый сад.

На усадьбе омылином. Царит деловая атмосфера посевной поры.

И мотоциклисту, выезжающему со двора, слышит девушку.

— Леонид, Леонид! — кричит она еще издали, — поскорее выключи! Захвати, пожалуйста, газету для робит из садской.

— Ой! где в «Завтрах Ильича»?

— Ну да, там! Сейчас по радио передали: надвигается туча, и нам во что бы то ни стало решили досечь последние гектары до дождя.

— Хорошо, Валя, сделай! — Мотоцикл рванулся вперед, разбрызгивая грязь. Мобильнер Леонид Хадзинов ухмылялся в степь.

Вместе с главным агрономом МТС Константином Михайловичем Безверхим я пошел в бригады.

— Чем примечательна эта весна? — спросил я агронома.

Константин Михайлович не сразу ответил. Он задумчиво смотрел на бегущие мимо поля.

— Чем примечательна эта весна, спрашиваете? — наконец заговорил он. — Зимой, кстати, взгляните на поля по одну сторону дороги и по другую...

Слева от дороги кустилась сочная земля озимой пшеницы, справа тополя простиралось озимое поле, но покров его был редок, с проплешинами.

— Левое поле мы обрабатывали по-новому: по лучине, без пахоты, как говорит у нас на Дону, «наволоним», — сказала Безверхим. — И вот перед вами результат. Нынешней весной ороло сорвана процентов всех ранних колосовых культур.

тур высевали по збию без культивации, лишь хорошо проборонив ее. Мы уверены: будут хорошие всходы. Помимо огромной экономии средств и затрат труда, такой прием даст бесспорно прибавку урожая, самую большую — по центру с гектара. Новое будет и с кукурузой. Посевы ее только калиброванными семенами, на площади в десять раз больше, чем высевали в 1954 году, и исключительно квадратно-гнездовым способом.

Наша машина то и дело буксовала на раскисшем, развороченном гусеничном тракте. За последние дни по дороге один за другим шли тываевские тракторы. В этом году на весеннем севе можно увидеть много новых «ДТ-54», «Беларусь», «КВ-35», «С-80». Почти семидесять пять процентов всех работ выполняются этими экономичными и совершенными в техническом отношении агрегатами.

— Знаете что? — выруг предложили мне Константин Михайлович. — Заведите-на в одно место, а покажу вам нечто интереснейшее.

Вскоре «газель» остановился у высоких земляных валов на самом берегу Дона.

— Что за новые крепости азовские? — удивился я.

— Это действительно крепости, — улыбнулся Беззерный и, показывая мне гидротехнические сооружения, рассказал о том, как на Цимлянском море по Азовскому магистральному оросительному каналу пришла в знобные доисские степи «большая вода». В зоне МТС теперь 2 500 гектаров земель стали орошаемыми. В прошлом году в двух колхозах попробовали посеять рис. Сплошно было маловорот, высевавший эту затею! А все не собрали, не имея никакого опыта в этом деле: по 35 центнеров риса с каждого гектара. Сейчас почти все колхозы решают

В механических мастерских тоже горячая пора.

ли сеять рис, и площадь его посевов возрастет до 400 га.

— Возвратившись под вечер на центральную усадьбу МТС, мы встретили в контроле девушку, которая утром отправляла газеты в седельную тракторную. Это была Валя Моногорова, агроном МТС по лесомелиорации и секретарь комитета комсомольца. Весте с подругами она улаживала послышу.

— Наши друзья! — коротко пояснила Валя, указывая в направлении.

Комсомолы Азовской МТС сформировали комсомольско-молодежную тракторную бригаду и направили ее в Алтайский край на целинные земли. Перед отъездом будущие новоселы заключили договор на социалистические соревно-

Последни земллина на целину.

В контрольно-семенной лаборатории МТС. Агроном П. Мищенко (справа) и лаборантка А. Винин проверяют семена на всхожесть.

вание с бригадой Ивана Денисенко, лучшей из азовцев.

— У нас вроде филиала теперь на Алтае, — пошутила одна из девушек. — Связь прочная, хотя и тысячи километров между нами лежат. Мы ни комсомольские путевки получаем, — значит, они перед нами должны ответ держать, а мы за них перед всем комсомолом в ответе! Хотите почитать их письмо, последнее? Слушайте:

«Дорогие земляки! Рады сообщить нашим товарищам из тракторной бригады Ивана Денисенко, что обязательно дать стране 90 тысяч пудов зерна нами перевыполнено вдвое. Мы вырастали на каждом гектаре алтайской земли по 13,3 центнера пшеницы и собрали больше 180 тысяч пудов отборного зерна.

Чтобы получить высокой урожай в этом году, наша бригада подняла 683 га целины на збию и 224 га разнотравья».

В Азовской МТС пятьдесят комсомольцев. На каком бы участке они ни трудились — за рулем трактора, за штурвалом комбайна, у станка — всюду комсомольцы впереди.

Вот, например, Леонид Понятовский. Этот выносливый юноша со светлыми волосами, голубыми смеющимися глазами, спортсмен, танцор, преобразится, когда становится за штурвал ком-

байна. Три года Леонид Понятовский был штурвальным в Нарке Социалистического Труда Г. Васильченко. В прошлую уборочную Леонид сам получил комбайн. За двенадцать дней уборки Понятовский убрал 375 гектаров, 1 за весь сезон намолотил более 650 тысяч пудов зерна. Юноша награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Знают в районе и друзья-трактористы Михаила Резван и Виктор Ровновских. В феврале в Приазовье разразилась необыкновенная для этих мест снежная буря. Она занесла все дороги. Многотонные фуры остались без морков. Преодолевая пургу, заносы, в тридцатиградусный мороз Михаил и Виктор все дни снежной бури подвозили на фермы с дальних полей норму.

На весеннем севе друзья при норме в 12 гектаров засеявали до 36.

...Бесна. Кинут работа на полях Приазовья. Крепнет в радостном труде комсомольские плечи. Распусаются почки в «Саду мира и дружбы», как называют свой парк азовские механизаторы. Скоро оденутся в бело-розовые платья яблони, зазолотится пшеница, вырост метлами султаны кукуруза.

Г. Азов.

Г. ТАГЛЕНКО

— Леонид, звявни газоты робитам седьмой тракторной!

Соловьи

Соседний колхоз «Трудовик» раньше нам управлялся с уборкой урожая, и машинно-тракторная станция срочно перебралась оттуда к нам еще один комбайн. Выходило вроде того, что нас берут на бкупир.

Председатель нашего колхоза немедленно распорядился: меня поставить на подвозку комбайну воды и горячего, а Марусю Недикову и Дусю Саенко—обслуживать соломокомбинат. Распорядился и предупредил:

— Смотрите, не оплошайте перед ним!
— Перед кем?

— Перед приезжим комбайнером. Он говорил, что по работе идет на первом месте.
— На первом? Ну что ж, не оплошаем, поддержим переводового.

Рано утречком сел я с девчатами на подвозку и отправился в поле. Вот и Дальний клин—он на самой границе земель нашего колхоза. А вот и комбайн из «Трудовика». Дуся Саенко только увидела комбайнера—и сразу Марусю Недикову кулачком под боком толкнул:

— Ой, смотри, интересный какой!

Маруся—она у нас самая красивая и гордая—смутилась, до виду не подала.

— Ничего особенного,—говорит.—Так себе. На мостике комбайна стоял молодой человек и, глядя навстречу восходящему солнцу, паршивенько читал какие-то стихи. Парень действительно хоть куда—важный. Все у него в правильной пропорции, и в самом деле, на него было любо посмотреть.

Он заметил нас и спрыгнул с мостика, будто с крыльца:

— Страстный привет! Будем приятно знакомы: капитан стенового корабля Игорь Вениветинов!

Девушкан вежливо подала руку, а меня хлопнула по плечу:

— Сириншн, старина?

Мне не очень понравилась такое приветствие. Я хотя и немолодой, но еще не старина, и скрипения во мне нет никакого. Однако не возражал, промолчал. А капитан стенового корабля уже кинет с мажорной протягой:

— Ухожайся, старикол!

— Во мне и вовсе обиде размыралась, я наотрез отказался. В этот момент из-под комбайна вылез молодой человек с молотком в руке.

— Это мой верный помощник Санчо,—сообщил комбайнер.

Поглядели мы на этого Санчо и сразу разочаровались: нет, не под стать он комбайнеру; и пропорция не та, и обидный вид не тот, и в глазах нет той искренности. Словом сказать, не красивый и не урод, а самый что ни есть обыкновенный.

Рисунки В. Каменского.

Санчо молча поклонился нам и снова залез под комбайн и закутался там. Вениветинов спрашивает у девагт:

— Голоса есть?

— Немножко есть.

— Поете?

— Вызает, и поем.

— Девагта не знают, что на это ответить, а он с достоинством:

— Еще запоет!

Растерялись девагта, не поймут: в шутку он это или всерьез? А Вениветинов уже о наших комбайнерах заговорил: они-де в одиночку маложалобные, а все вместе «без четверти три осмунжы»... Я подумал: «Вот лихой парень! Интересно, какого он сам калибра? Ну, посмотрим. Работа, она все покажет».

Тут как раз и время для этого пришло: солнце взошло, вышло с полей росу, и можно было приступать к делу. Комбайнер спрашивает:

— Все ли готово, Санчо?

— Готово, как всегда,—отвечает помощник.

— Ну, смотри, не подведи!

Разбежался, от земли оттолкнулся—и уже на мостике. Ну и ловок!

— Девушки, по местам!—закричал Вениветинов.—Готовы? Полный вперед!

И повел комбайн краем ешечникового массива. Зацепилась работа, и все на третьей скорости. Девчата наши старожалбы вояско. Конуку к коние без вадержки, как по шпурочку, на стерино укладыаю—любю посмотреть. Не подведем переводового! А он круг за кругом, круг за кругом, как заведенный! Ну и ловок! Только натуральничком поигравет. Девчата на него нет-нет, да и поглядывают, и он на них нет-нет, да и оглянется. Ничего тут не скажешь—дело ведь молодое. А на помощника никто из нас и внимания не обращает. Только натуральничком поигравет. Девчата на него нет-нет, да и оглянется. Ничего тут не скажешь—дело ведь молодое. А на помощника никто из нас и внимания не обращает. Только натуральничком поигравет.

К вечеру солнце умычалось, пришлося остановиться, и мы поехали на полевой стан. Сюда собралась бригада со всех трех комбайнов, какие убиралн зерно на Дальнем клину.

Вениветинов достал коробку дорогих папирос и ради знакомства—человек он для нас был новый—начал всех подряд угощать:

— Расхатыайте. Пользуйтесь моей протогой.

Закурили. Стали его спрашивать: кто, откуда, почему и так далее. В массиве нашей МТС Вениветинов появился только во время уборки, до этого жил в другом районе, там в прошлом году окончил курсы комбайнеров.

— Э, да ты работничек еще молодой!—говорит ему.

— Молодой, да ранний!—отвечает он.

Так и познакомились. Начли друг друга рассказывать, что и сделал за день. Вениветинов послушал, усмежнулся.

— Это не работа, а работенка. Я в «Трудовике» такие концерты давал, что долго не забудут. Не меньше двух норм в смену, как правило!

— Как достигаешь?—спрашивают его.

— Очень просто—надо уметь.

— Именю?

— Навер! Ялос натиск и бьстрота.

— А сн еще подробнее?—допытываются колхозники.

— Подробнее? Много будете знать—все в директора МТС записывает,—рассмеялся Вениветинов,—на комбайнах некому будет работать.

Наши ребята, как видно, на эти слова обиделись, но тут подошло время ужина, и обидя на время забылсся. Сели за стол. И только тогда девагта спохватилсся, что нет помощника комбайнера. Где он? Куда подевалс? Вениветинов смеется, подмигивает:

— Он человек безумно алкобленный и сейчас, несомненно, со своей мной...

Вот те и на: тихоня тихоня, а ужалер, как явилл, рылять! Куда его неслилка посылал! Поужинали. Солнце в последний раз посмотрело на поле, на лесную полосу, возле которой был стан, и ушло ночевать. Я на правах старшего по возрасту призываю:

— Да где там! Люди молодые—с вечера не уложился, затеялн игры, песни. Ну, как знаете, а я свое отгулар. Устроил себе постель на вольном выезде, подалме от шума, лежу, в лебо поспатьна, делюсь кулаком со знегдями.

Уже начал предпринимать, как слышу—по-над посадкой кто-то идет. Различаю голос Вениветинова и подголосок Маруси Недиковой. Она ему ставит только короткие вопросы: «Что? Зачем? Почему?» А он так и сылет: «Ах, Мари, Мари. Как увидел вас, сразу же понал. Я жутко одинокий. Но сердце во мне горит. Подойдите с вами рука об руку в светлое будущее—дадим полный взезд к яркой славле.» и тому подобное.

Прощай. А все слышно, как Вениветинов говорит, говорит, говорит, но что,—на расстоянии я не слышо... Ну и речист, ну и бьстр! Не успел девушку увидеть—и на тебе! Бывають же такие рысачки!

Вярут соседи рядом шаркалка чьи-то шагги в темноте, и на меня кто-то наступил. Я приподнялся, спрашиваю:

— Кто ходит?

— Кухню иду.

— Это ты, что ль, как тебе... Санчо?

— Я. Только позвонит меня Александр, Александр, а Вениветинов вовсе не Игорем, а Игором.

— Это мы разберемс после. А где же ты, Саня, пропалд?

— На комбайне.

— Тебе что, дня мало?

— Мало, не мало, а машину жалко. Ведь разстрепали ее в «Трудовике», поддержиать надо, а то все стает.

— Что ж это вы так?

— Да так—все только «полюный вперед», а технический уход, как положено, не проводим... Одному трудно.

— Постой, а Вениветинов-то что ж?

— Он что ж? Он Вениветинов...

Тут по правде сказать, мнееться вывел из себя и на Александра, как говорится, вынул из себя и во толку. Я ему о том, что он парень как парень, а позвоилт собой помилкать. А он мне невесело:

— А что а?
— Переломить Вениитинова надо, — говорю, — заставить работать как следует.
— А Саша мне без всякой надежды:
— Что я против него?.. Куда мне перед ним?

«Вот и говори тут! Слаб, видно, человек, без крыльев, и думает о себе не то что не высоко, а прямо-таки униженно. Отчего это с ним такое?». Об этом я парня спрашивать не стал, а провел на кухню и разбудил повара. Она накрыла стол.

Пока Саша ел, я поговорил с Домой Петровой о другом своем беспокойстве, более серьезном:

— По всему вижу, Маруся наша в опасности.
— То на тебя! — вскинулась повариха. — Какая еще опасность?
— Приезжай истребим ее.
— Ну-у? Вениитинов? То-то красивая будет пара!

— Тыфу на тебя! Не пара она ему.
— Это она-то не пара? Да краше ее во всем районе девки не найдут!
— Не она, а он ей не пара.
— Скажешь тоже! Приглядитесь его я в жизнь не встречала. А если привередничать да такого парня от себя отталкивать, тогда какого ж идеала Маруся ищет?

Да, думаю, нашел и себе союзника! И до чего ж они, эти женщины, неустойчивы перед наружным видом мужчин! Сколько им пострадало от этого увлечения, а все за ум не берется.

Чтобы не наговорить некультурных слов, ушел я подальше от повара. Посередине стана уже горел большой костер, вокруг него собрались все наши жители. Девчата под баян пели частушки. В эту пору вернулись из колхоза «Грудовик» девчата звена Чариковой. Они ехали туда за подложкой, чтобы скривоваться за нашим комбайном солому. Лена Чарикова прыгнула с подводами — и прямо к костру:

— Раздайся, хоревод, новые частушки из «Грудовика» привезла!
Вениитинов откуда-то из темноты вывернулся и вышел на середину круга.

— Ой В «Грудовик» — там споем. Девчата голосистые. Особенно есть одна, жутко восхитительная. Соловей!

Перед Чариковой кавалером расклялся:
— Будьте любезны, исполните, что слышали, в порядке освоения культурно-музыкального опыта.

Лена стеснялась, стала отказываться: не запомнила, мол, точные слова, могу сбиться и прочее. Но Вениитинов, как настоящий артист со сцены, уже объявил:

— Слушайте частушки, привезенные из самого песенного колхоза в районе. Исполнит товарищи...

Лена вспыхнула, хотела уйти из круга, но Вениитинов силой своего красноречия уговорил, и она осталась.

— Баянист, приготовьтесь! — скомандовала Вениитинов. — Слушатели, внимание!.. Начали!

Лена запела:

«Наш Егор-юмбайнер славы добивается,
На помощника своем без труда натывает!..»

Вениитинов так и подпрыгнул:

— Что? Что такое?

Чарикова замолкла. Баянист даже с места пристал от неожиданности. А я возразился. Во мне, как говорится, все струны заиграли. Вышел на середину круга и говорю:

— Это песня, товарищ Вениитинов. Песня! Ее колхозники сложили, а они, брат, все видят!.. Продолжай, Лена, не обращай внимания: это он шутит!

Лена снова запела:

«Если ты собой прекрасный,
Будь красивым и в труде,
За один аз паря гаванец
Не поиграешься нигде!..»

Вениитинов усмехнулся, опять перебил песню:

— Это что же так складно сочиняют?
— Есть в «Грудовике» талант. Катя Курева.
— Катя?.. Не может быть!

Я твердо сказал Вениитинову, чтобы он не мешал освоению культурно-музыкального опыта. Тогда Лена затанцевала еще бойчее:

«Мое сердце на комбайне,
Вьюе сердце — отдам Саше!..»

Вениитинов как с цепи сорвался, зло спрашивая:

— Кто? Кто так пел?

И откуда-то из темноты, как эхо, голос Александра:

— Кто пел?..

И в голосе столько волнения, будто парень ждал свой приговор — жить ему или нет.

— Лена отвечает Игорю-Егору?

— Лена она же, Катя. Соловей. А что такое?.. Никита Самсонович, ну что он мешает?!

— Спроси его самого, — отвечаю я.

Оглянулся, а Вениитинова и след простыл — сбегала.

В скором времени все улеглось: устойчивость все-таки взяла свое, угомонилась спать. Улегся и я. По привычке рассматриваю небо и думаю: «Наверное, Саша в эту минуту тоже глядит на звезды. Ему видятся среди них Каты, и он рассуждает: «Должно быть, и в самом деле я не такой уж алкохой...» Вениитинову — точно наверняка не до сна. Улетел бы к звездам, но все равно и туда сле-

дом полетят приехали. Никуда от них не денешься. Теперь либо себя меняй, либо везде будут узнавать, кто ты такой стои на самом деле. И по горьким слезам решки я назавтра устрою ему еще один концерт. Пусть знает, что никто не обязан нести его на своих являчах в светлое будущее. Человек сам должен твердо ступить ногами по земле.

г. Вороненко.

Осип КОЛЫЧЕВ

СТИХИ О ПОДМОСКОВЬЕ

ВЕСНА-ТКАЧИХА

Все ткется, ткется —
в темь и в рань,
Собой все небо запольяя,
Березок
ситцанбивная,
Рисованная,
и сквозная,
И свежанакудана ткань.
Все ея заткано...
Взгляните:
Вчера лишь заешало чуть...
Сегодня
солоничные нити
Весь лес успеши затянуть.
Дашься диву,
как серьезе

Управилась весна-ткачиха,
Управилась одна
так лихо
С таким количеством берез.

НА ЗАКАТЕ

В воздухе прозрачном да отката
Каждая хвонючка видна,
И в реке,
как в толще наскислеса,
Видишь кажуду песчинку дна.
Скажешь...
Словно мяч, взлетает слово,
Мягко ударяясь о закат,

И, от неба отголкнувшись,
спова
Эхом возвращается назад.

Чуть дрожат ольхи сереброкустой
Кружале зубчатые листы...
Тут и возникает

наше чувство
Родины,
России,
чистоты...

Солнце разолачивает травь,
И горит вечерняя звезда.
Шаркы пути
Моей Дерзавы,
Где живет
таякая красота!

ИЗ ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ

Вишни

Я и теперь не могу без боли
(О далекого детства ясные дни)

Вспомнил тогда эти деревья,
В наведе,
За высоким забором роси они.
Майский ветер кружил
Их dustуна ветог пуццовых сласть! —
И гремяла дворнига
кольцом железним,
Чтоб никто

не мог
ничего украсть.

Про дом говорили:
«Добра не счесть в нем,
Хоть баржу грузи,

хоть пруд придри!»
Среди деревянных домов предместья
Скукой так ой

он дышал один,
Сама тоска, должно быть, жила в нем —
Старуха сядет от злых дум.

Впрочем,
немного увидишь сквозь ставни,
А они открывались раз в году.

А я был юн
и мечтал о счастье.

Высоко залетали мечты мои!
Двери — настенья,
и сердце — настенья:

Чего скривлял,
от кого танты!

Кусался репейник,
и пахло майтой,
И в траве от росы босиком свежо.

Я прожрался к саду,
забор дощатый
Проквашил кое-как ножом.

В самоварной меди горело солнце,
На блюдце — варенья густая слизь.
За столом человек мусолил червонцы,
И блудливые руки его тряслись.

Мне противен был врг мой,
как боров гладкий.

И я, насколько хватило сил,
Хорошенко прицелившись из рогатки,
Камнем в рожу ему загустил
И убежал.

И в ту же неделю,
Освиственным птицаим майским днем,
Милиционеры в синих шинелях
Хозяйку дома сказали: «Пойдем!»

Веселые люди забор разобрали.
Под стук топора и детский смех
Качались столбы и доски трещали,
Прибитые к толстым жердям навеки.

Пес бежал с подворья:
Он стал здесь ясным.

ОБЕЩАЮЩЕЕ НАЧАЛО

Я получил письмо. Как и многие другие, оно было со стихами. Это нормально. Обычно автору писем спрашивают: «Стоит ли мне писать стихи? Может быть, бросить это дело?»

Как правило, бывает трудно ответить на такие вопросы, потому что пишущие стихи оказываются слабыми настолько, что угадать по ним будущее поэта просто невозможно. Кроме того, если человек и не станет поэтом, зачем ему бросить писать стихи? Писать стихи — значит любить их. Если, однако, кто-то стоит иметь дело со стихами. Да и можно ли вообще «бросить» писать стихи? И не верю в такую возможность... Вот что хочется сказать в ответ на такие вопросы.

Читая письмо, Автор не спрашивает у меня невозможной разгадки, просто просит, чтобы я прочел его стихи. Читая и чувствуя, что молодой поэт внушает мне свое настроение, убеждает в своих мыслях, вводит в круг своих образов, вслухит. Много написано слабо, кое-что плохо обдуманно, но большинство стихов поэтично. Вот строфа:

Уходит бой,
А шрамы остаются,
И явься, в краю, где тихая заря.
Один воронка крутится, как блудлиц...

Здесь все хорошо, но четвертая строка похвала:

Заставит вспомнить,

Как гудят снаряды.
Рифма «заря — снаряд» с провисшим последним звуком слышна, как новово по стеску.

В стихах Владимира Варно много недостатков. Рифмы, вроде приведенной выше, он считает закономерными, а рифмовать так нельзя, надо стараться, чтобы рифма была полной. Часто поэт оставляет строку в сухом виде («внезапно дровя почувствовал у скуды и др... Но это вполне предостимо. У Варно есть главное — он размышляет о жизни, хорошо понимает ее, зорко видит, глубоко чувствует. Вот стихотворение «Комаровка». Но внешним обстоятельствам в этом стихотворении вроде и не происходит ничего особенного. Но оно возмущает мысленно о Родине. Стихотворение «Вишни» — целая история. За ней — размышления поэта о людях, о времени. Написано стихотворение с чудством, оно захватывает и возмущает. Хорошие стихотворения посвящены рене Чусовой. Варно выражает свои мысли своеобразно. Читая его стихи, я вижу, что он любит, чего он не любит, за что борется, где рос и как живет. Я понимаю его, он интересен мне как собеседник. Вот это и есть то самое, о чем начинаются поэт.

Владимир Варно не просит о том, чтобы его стихи были напечатаны. Он пишет очень удачно, увидев их в журнале. А я думаю, что ему надо и писать и печататься: у него хорошее, обещающее начало.

Мих. ЛЮБИНИН

Потусневшая цепь валилась в пылин.
И, поучая простор небывалый, вишни
В первый раз, ликуя,

для всех целил
И от этого мир будто стал моложе
(Я тогда только понял, как он широкий),
Так, что даже самый хмурый прохожий
Без улыбки на вишни смотреть не мог.

И тепер,
как в ту далекую пору,
О которой лесня звенит в ушах,
Не люблю я

слишком высоких заборов,
жадных людей
и цепных собак!

Чусовая

Где-то есть Ганг,
Где-то есть Нил...
Ну, а я тебя так полюбил,
Что, пока крепка во мне жизнь
И душа свежа,

На губах

прелесть брызг твоих,
В глазах ты,
как блеск ножа!

В апреле,
ломая лед,
Лыдины — в водоворот! —
Бревне уносишь адал.

Ночь,
а в тебе — заря.

Это плавитась сталь,
Огни мартовен горят.

В твою красоту влюблен
Охотник и плотогон.

Геолог под твой гуг
Ищет заново руд.

Взгляд посылая след
Домещник и поэт.

Ласку твоих губ
Чувствует лесоруб.

Крепче держи весло,
Будь до конца смея,

Чтобы не унесло
Лодку твою на мель!

Яростная вода,
Неси явня и кружи

В солнечные годы
В блеск,

в шум —
в жизнь!

Комаровка

Белье, развешенное на веревках.
В саду за домом квакающий пруд.

Предметье называлось Комаровка.
Так по привычке и теперь зовут.

Здесь вырос я
И понял очень скоро,

как людям трудно достается хлеб.
Бросали тень скринуясь заборы
на дремлющих в канаве куроплес.

Весною снег на огородах таял
и расплывался вербы у межи.

Должно быть, с Нилы прилетавший аист
над Комаровкой медленно кружил.

Тогда ни у кого из домочадцев
не мог добыть ответа на вопрос:

что заставлял птицу возвращаться
из дальних стран
к местам родимых гнезд?

Судачили:
«В мальчишине много дурн!» —
Или плели бесхитростную ложь.

И только дед, лукаво глаз прищурия,
сказал загадкой:

«Вырастешь — поймешь!»

Прошли года.
И по холодным тропам
я босиком, как прежде, не пройду
во двор,

что пахнет по утрам укропом
и хлебом, испеченным на поду.

Но до сих пор
в сплоских командировках,
которым не предается конца,
я вспоминаю дом на Комаровке
и вишни, что столпились у крыльца.

г. Молодежно,
Волгосурдской ССР.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЗАПИСКИ...

В пустынном коридоре шаг Сергей звучал гулко, и он как-то по-особенному остро ощутил ту необыкновенную тишину, которая царит здесь. Никто не толпился около стенозаста и объявлений, никто не спорил, не шутил. Высокие белеющие двери аудитории смотрели молчаливо и сурово. За ними тоже было тихо и пусто. В этом непривычном для институтов месте безмолвие Сергея еще резче почувствовал то, что произошло.

Вспомнилос, как легко и привычно открыл он сегодня комсомольское собрание и занял свое обычное место в президиуме.

Докажд Сергей слушал невнимательно: он знал его почти наизусть. Знал, что из студентов будет назван в числе лучших, кто — в числе оставших. Группы, цифры, да еще специально подобранные для оживления доклада остроты — все ему было известно. Еще бы: собрание очень важное — о том, как прошла недавняя сессия. Три вечера подряд просидел Сергей с Лешей Федоровым — старший курса — над докладом, прежде чем текст его был окончательно утвержден на комсомольском бюро.

Сейчас докладчик Леша Федоров рассказывал одноклассникам о том, как группа студентов целый час бегала по аудиториям, спасая от экзаменаторов, как студент Дюков ввиз билет, неожиданно заболел... В голосе Лешина звучала то печальное, то суровое, осуждающее нотки... Но экзамены закончились недели три назад, все студенческие страхи и беды миновали, отошли в сторону до следующей сессии, а поэтому гневные предупреждения Леша действовали слабо.

Сергей предвидел это. Он заранее подготовил соответствующее выступление, в котором собирался напомнить товарищам о комсомольской чести, о любви к избранной профессии, об ответственности. По опыту он знал, что яркий факт всегда действует впечатляюще. К сегодняшнему дню он приберечь немало таких фактов и уже улыбался в душе, думая о том, какую бурю поднимут они в зале, как полгорят собрание.

Наступила перерыв. Потом началось прения. Один за другим поднимались на трибуну студенты — комсорги и старосты групп, комсомольцы — отличники учебы. Сергей, сложив в нужном порядке листки конспекта своей речи, ждал очереди. Он чутко вслушивался в слова одноклассников, следил за тем, как реагирует зал на выступления, подмечал удачно сказанное слово, даже жест. Знакомое, как у спортсмена перед ответственным прыжком, волнение слышнее и слышнее охватывало его.

На стод, покрытый по случаю собрания красной скатертью, то и дело летели записочки: вопросы к докладчику, предложения, просьбы... Одна записка упала прямо перед Сергеем. Он развернул маленький комочек бумажки, быстро пробежал глазами написанное и вдруг почувствовал, как откудала-то из-за ворота к лицу поплыла горячая краска стыда.

В записке говорилось: «Может, раскрасишь, Сергей, в порядке самокритики как склад последний зачет?» Подпись не было. Сергей понял, на что намекала записка. Долго не мог он поднять глаз от стола, хотя знал, что тот, кто послал записку, сидит сейчас в зале и, конечно, наблюдает за ним. Возможно, смущение его замечено, может быть, колкие словечки уже раздавались по его адресу.

Услышав воли Сергей охватил себя. Свернул записку вчетверо и с демонстративным спокойствием положил ее под конспект.

От выступления пришлось отказаться. Все собрание теперь пошло как-то в сторону. И хотя он удалился, когда зал гремел от хохота, хлопал в ладоши, когда все аплодировали, в голову его билась одна мысль: вдруг сейчас кто-нибудь поднимется на трибуну и расскажет о зачете и о нем. А какая сессия будет: он, комсомольский секретарь, воспользовался шпаргалкой! Вот где раздолье пофилософствовать по поводу честности и принципиальности! Потрясающая лебда у Сергея. Он с трепетом стал следить за каждым, кто направлялся к трибуне, стараясь по взгляду, по выражению лица определить, о чем тот будет говорить. И если случайно упоминался его фамилия, он вздрагивал и опускал глаза. Ему казалось, что вот-вот его уличат. К счастью для Сергея, никто из выступавших не рассказывал о нем, хотя о шпаргалках говорили много и требовали сурово наказать нечестных студентов...

Выйдя из института, Сергей свернул по улице направо. Теплый весенний ветерок дохнул в разгоряченное лицо. Вспомнились воскресные прогулки всей группой за город, путешествия на лодках по каналу Москва — Волга, дальние туристские походы. Было легко и просто тогда, и все, казалось, шло по единственно правильному пути: он отлично учился, товарищи любили его, он мог смотреть открыто в лицо каждому, не опасаясь насмешек и не задерживаясь после собрания, как сегодня, после этой записки...

«Как я мог это сделать?» — снова и снова задавал себе вопрос Сергей. Как получилось, что он воспользовался шпаргалкой? Зачем он это сделал? Перед Сергеем в десятый раз сегодня вста-

вала одна и та же картина. Идет зачет. Строчка, напряженная тишина в аудитории. Он сидит за последним столом. Преподаватель седой добродушный профессор, даже не смотря в его сторону: он уверен в Сергее. К тому же и билет попался легкий. Правда, чтобы ответить на все вопросы с блеском, надо прочесть одну страничку. В тетрадь, что лежит рядом. Он не помнит, как рука перебрисла тетрадь со стола на колени, как это слово до слова было переписано нужное место. Кажется, в тот момент только одно его беспокоило: похвалит ли профессора. И он добился ее: преподаватель назвал его ответ выдающимся.

Обычной радости в тот день Сергей не испытал. Наоборот, было чувство горькой досады за совершенную ошибку. Это чувство с каждым днем давило, а ошибка в собственных глазах становилась все менее и менее значительной. «Подумаешь, посмотрел в тетрадь. Я ведь знал материал, мне только нужно было кое-что уточнить. Разве это шпаргалка!» Наконец, неприятный эпизод как будто и совсем улетучился из памяти, и вот вдруг эта записка... Сергей забурлил. С какой-то пугающей ясностью почувствовал, что неопозорит потерю что-то большое, хорошее. «Как и когда произошло это? — встал новый вопрос. — Тогда, на зачете, а может быть, раньше?»

Вспоминась первый год учебы в институте. Ребята говорили, что Сергеем везет. Но он просто много занимался. Для него не было любимых и нелюбимых предметов. Он сказал себе твердо: все, что преподают в институте, нужно, а следовательно, все должно нравиться. Увиденностью и добросовестностью он покорила профессор. Он нем затворился как о гадливом котенке. Сергей помнит, как приятно обожгло его слух слово «талантливый». Оно сразу подняло его в собственных глазах, в нем бил намека на большие перспективы в будущем. После реальных в удачных ответов и профессорских похвал товарищи начали относиться к нему тоже как к осязанию.

Экзамены стали для Сергея барьерами, преодолеть которые надо было во что бы то ни стало. И не просто преодолеть, а прыгнуть как можно выше, чем-то обязательно измотав всех. В его зачетной книжке стояли сплошные

отлично, отлично, отлично... Часто, когда Сергей был один, он раскрывал зачетку и внимательно перечитывал записки, полотно извая хвостика и закорючки профессорских подписей, вспоминал подробности минувших экзаменов.

Однажды Сергей пригласил в школу рассказывать десятиклассникам об институте, о своей будущей профессии. Сергей помнит, как в притихшем зале директор, пожилой, седокожий мужчина, сказал: «У него, ребята, только отличные отметки. Это очень трудно — так учиться. Но он добился».

И все время, пока Сергей рассказывал о своей учебе, об экзаменах и профессорах, школьники не спускали с него восхищенного взгляда. Иногда у Сергея вдруг появлялось забавное желание крикнуть: «Бросьте вы, в самом деле, посмотрите на меня, как на героя! Работать надо как следует — вот и все!» Но такие слова не соответствовали бы торжественному настроению, в каком проходило собрание. А потом, что краивать душу, нравилось ему все это и восторженные взгляды и ореол необыкновенности... Сергей неаметно для себя даже прибавил чуточку, когда, например, перечислял названия прочитанных в очередном экзаменуемой книг. Вышло это так просто, что только потом он вспомнил о сказанном и дал себе строгий наказ: книги, о которых говорил, обязательно прочесть.

Блеснуть эрудитской областью его целью. Товарищи открыто говорили: «Сергей все читал, все знает». Чтобы поддержать эту славу все-

знающего человека, он отыскивал в популярных брошюрах наиболее эффективные места. А когда в разговоре приводил интересный факт и одноклассники спрашивали: «Откуда это?», — называла многоименный труд, стараясь угадать, о ком идет речь. Иногда он небрежно бросал: «Я решил эту задачу за полчаса! Я писал это сразу!», — однако прожигал над учебником часто ночи, а над задачей работал три — четыре часа. Кропотливый, напряженный труд, который Сергей вкладывал в учебно-ознакомительные товарищеские работы, он старался скрыть от товарищей, а в первое время выставлял свою одаренность, о которой в институте много говорили.

Если в группе никто не знал, как ответить на какой-либо вопрос, профессор вызывал Сергея, и он давал точный, обстоятельный ответ. Ну, а если Сергей не успевал что-то ответить, то просто не являлся на занятия, скрываясь болным или занятым непредвиденными срочными делами. Завянуть профессору честно: «Не знаю» — он не мог. Это было выше его сил.

На четвертом курсе комсомольцы избрали Сергея своим секретарем. Работа председателя, ведущего и ответственного, больше-меньше с ней не свирепала. И на это поручение Сергей взглянул по-своему: не оправдать надежд — значит прежде всего уронить свой авторитет, лишиться ореола неоспоримости. Он чувствовал, что берет нового барьера, пожалуй, более серьезный и трудный,

чем экзамены. Кажется, в те дни он похулил: так много дулал об этом. Забыл на первых порах про учебу: собрания и различные мероприятия поглощали все свободное время. И вот первая реальность. Однажды секретарь факультетского бюро комсомола сказала: «Слушай, Сергей, ты вроденный коргот. Вот у кого надо учиться работать, товарищи!» И присутствующие в комнате члены бюро с уважением посмотрели на Сергея.

Фамилию его стали без конца упоминать на комсомольских собраниях, в деканате, на кафедре. Если кто-нибудь отваливал от задания, ему указывали на Сергея. Если студент плохо учился, объясняя это загруженностью, ему ставили в пример Сергея. В стеной газете была помещена большая фотография Сергея. На ней он выглядел старше своих лет: серьезный, строгий. Сергей часто любовался портретом и по многу раз перечитывал большую статью о себе, в которой слова «активный», «таалантливый» повторялись через строчку. Даже отношения домашние — и те переменились. Часто он слышал, как мать восторженно говорила знакомым: «Он у меня ответственный, весь активом в институте руководит... Соседка, пожилая женщина, работавшая уборщицей в филармонии, распекая на кухне сына-шестиклассника, ставила в пример Сергея: «Отличник, не то что ты, шлопа! Ученим будет навариться, а может, еще и профессором».

Как-то она попросила Сергея посовестить Колюку. Сергей подошел к чубатому паренку и сказал строго: «Ты чего ж это, брат, коллектив совсем не уважаешь. Ты работаешь в институте, а в комсомол такого не возмрут. Я уж знаю...»

В каждом праздничном приказе по факультету декан объявлял ему благодарности. Если нужно было кого-то встретить, посылал Сергея. Организовывалась какая-то комиссия — там обязательно был Сергей — так приказ ко всему этому, что уже не мог обойтись без похода, без шумихи вокруг себя. Всюду ему хотелось быть первым, блистать, поражать. И когда ради этого пришлось совершить нечестный поступок, он, почти не задумываясь, совершил его.

«А теперь что? Что дальше? — От всех этих махалей случало в исках... — Может быть, необходимо подумать по каким-нибудь предлогам от секретарства? Все скоро забудется, и я успокоюсь, отдохну. И авторитет останется в неприкосновенности. Поработаю, перегрузаюсь — надо отдохнуть. Чего просить?»

Ушла, по которой он шел, не ожидая поверула вправо, потом влево и вдруг уперлась в большой дом. Сергей нетерпеливо оглядел его и повернул назад. Горькие мысли влились еще неотступнее.

Уйти, уйти... Что-то в душе у Сергея страстно пропало было, такому решению. «Безделье — безделье, трусость — повторял он сам се-

бе. — У тебя останется авторитет, но авторитет ли это? Разве можно называть этим словом то, ради чего приходится совершать преступления, позволять хрипеть душой! Вспомни: на прошлом бюро, когда разбирали историю со шаргалкой у Васильева, ты промолчал, словно воды в рот набрал. А сегодня на собрании? Ведь ты собрался говорить о требовательности, принципиальности и не сказал: залпай! — будет скандал! Что скажет декан и секретарь факультетского бюро?» — вскрикнул Сергей еще и еще раз. Но где-то внутри уже поднимался гнев и авторитет. И голос его звучал все громче и громче. «Почему ты боишься не самого поступка, а суждений по поводу поступка? Почему тебе стало так важно чувство верности, правдивости того, что делаешь? Эх, Сергей, так жить нельзя! Надо идти напрямик, не обманывать себя и других. И не бояться. Да, возможно, ты не будешь секретарем. Это решат комсомольцы, твои товарищи. Не надо упиваться и тому, что декан и любимые профессора будут негодовать. Получай по заслугам. Разве ты сам не говорил много раз комсомольцам, что ошибки надо исправлять мужеством? Теперь настала очередь доказать это на деле!»

Сергей вздохнул и быстро заагнал к огонку традлеальной оставкою.

В. АНДРЕЕВ

Как быстро летит время... Кажется, только вчера сидела Нина Манарова за ученической партой. Какое совсем недавно родители подражали ей с получением аттестата зрелости.

Никогда не забудет она теплую июньскую ночь, проведенную среди шумных, веселых друзей-выпускников. Тогда у древних кирпичных стен, на набережной Москвы-реки, говорили они о будущем, о новой жизни, в которую они вступаю.

И вот сейчас, полтора года спустя, Нина работает фрезеровщицей на комсомольском заводостроительном заводе «Красный пролетарий».

Об этом ли мечтала Нина Манарова в ту памятную июньскую ночь?

У каждой из ее подружек была своя заветная мечта в жизни. Одну влекла профессия врача, другой хотелось стать учительницей, третьей — артисткой... Да мало ли где можно найти привлекное своим силам и знаниям! Но самая лучшая та работа, которая тебе особенно по душе. А Нина Манарова всегда нравилась специальность инженера-механика.

— Стать хорошим, знающим инженером не так просто, — сказал ей как-то отец. — Вот у нас на фабрике просят принять студентов-дипломников. Теоретически они подкованы, ничего не скажешь, но вот производственную работу знают плохо. А ведь завтра они будут инженерами...

Нина не раз задумывалась над словами отца и твердо решила после десятилетия поступить в техническое училище, а потом на завод. Работая, она сможет получить образование. Это, пожалуй, труднее, чем сдать экзамены в институт заочно. Нина Манарова станет настоящим специалистом. Все получалось так, как задумывалось.

Контролер Николай Миронов доволен работой Нины: качество деталей отличное!

Фото М. Озерского.

ОНА БУДЕТ ИНЖЕНЕРОМ

ма девушка. Вот уже позади год учебы в технической училище. Зорешко, что был год! Она получила трудовые навыки и познакомилась с фрезерным делом.

Понде на завод, Нина не чувствовала той робости, которую на первых порах обычно испытывают новички. Правда, она порядком поновалась, когда ей поручали обрабатывать науку-нибудь новую деталь.

Но теплее участие мастера Александра Николаевича Деленчатова и дружная поддержка народного рабочего Михаила Константиновича Алексеева, а также девушку бурность и уверенность в своих силах. Приходил на выручку Нина и работавший с ней по соседству фрезеровщик Геннадий Командов: он помогал ей наладивать станок, при случае давал советы.

Нина на себе испытала, как много значит для новичка сочувствие и доброжелательное отношение старших товарищей. Недалом она с такой сердечностью отзывается об этих людях.

Теперь Нине Манаровой доверено более сложную работу, и она отлично справляется с ней, выпуская норму на 125 процентов.

Ну, а как с мечтой выпускника? Ведь она так хотела стать инженером!

Нина попрежнему продолжает усердно учиться. Она студентка вечернего машиностроительного института, с присущей ей настойчивостью изучает Нина основы марксизма-ленинизма, начертательную геометрию, химию. Четыре вечера в неделю проводит она в аудиторной институте. Это, конечно, нелегко. Если полагается сложная задача, то она не стесняется обратиться за помощью к товарищам.

Особенно внимателен и ней старший технолог цеха Николай Георгиевич Брагин, студент третьего курса тоже не института. Он охотно делится с фрезеровщицей своими знаниями, опытом.

Никосомовна, которая мечтает в недалеком будущем вступить в партию, получить диплом инженера, нужно много знать, много постигать жизни.

Нина хорошо запомнила слова великого Ленина о том, что моментом возможности стать инжерам, когда обогатился своею памятью знаниям всех тех богатств, которыми обладает человек.

И она настойчиво учится. В этом верный залог того, что мечта ее обязательно превратится в действительность. Нина Манарова будет инженером!

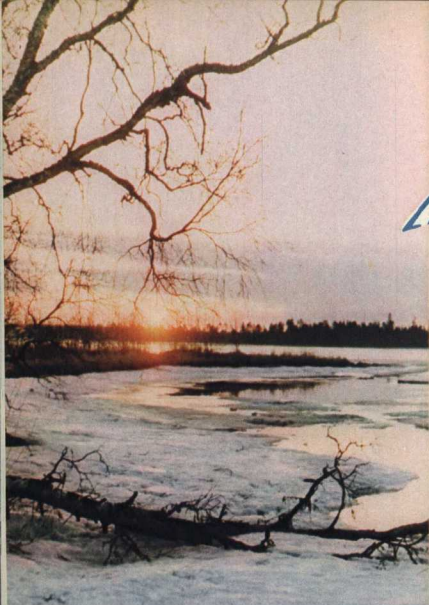
Б. ЗОРИН

Мощное оборудование готовят для
новой электростанции Новосибир-
ский турбогенераторный завод. На
сплошном диаметре центральной части
крестовины гидрогенератора, соору-
жаемого по заказу Иркутской ГЭС.

Фото А. Моклецова.

Весна

в конечном счете готовить с весны. Не посеешь — не поймаешь, не покормишь — пирогов не испечешь! Именно поэтому, радуясь яркому солнцу, ледоходам, зеленому дыму лесов, первым грозам и радугам, народ наш поднимает на свои плечи огромный груз повседневной работы и пристально всматривается в будущее. В самих перспективах, намеченных съездом партии, было много по-весеннему богдого, широкого, яркого и отрадного. Но для того, кто не трудится, не идет, не выносит ногу вперед и вперед, и самые отрядные перспективы всего лишь перспективами и останутся. Наш народ, накопивший великую мудрость в исторических испытаниях, создал одну на первый взгляд шутовскую и забавную, а на самом деле полную глубокого смысла поговорку: «без труда не вытащишь и рыбку из пруда».

Очень хорошо понимают наши люди этой весной, что рыбка большая и что без умения и напряжения асах сил ее не вытащишь. Но это труд радостный, с лихвой окупающий все усилия. Кого еще в поле погубилила поземки и дороги, расчищенные грейдером, уже через час сталились непрезвжимки, довелось мне побывать в одной из областей. Не все в жизни этой области катится гладко, есть там свои трудности, просчеты, промахи, но осенью прошлого года доходы были уже намного выше, чем прежде, и, глядя на вышоченные суробы снега, достигшие чуть не до крыш, колхозники радовались:

— Хорошая весна идет, урожай богатый несет!

Я сначала поняла это в прямом смысле: много снега — значит много влаги для полей. Но оказалось, что это далеко не совсем точное толкование. — Тут училивались и выезжались и все конкретные мероприятия партии и правительства по подъему сельского хозяйства, и перспективы новой палатки, и вдохновение, которое сегодня охватывает асах, от мала до велика. Да, конечно, ожидание больших доходов вдохновляет. Но за этим видится и еще многое. Область выключает, и энергосеть, и колхозы в ближайшее время должны получить ток; через область пройдет радиорелейная линия, одна из тех, что сооружаются по плану шестой пятилетки, и в колхозах подумывают о телевизорах; в одном селе, которое стоит на высоком берегу реки, задумали и осеки построить водопровод — и женщины перестанут сутулиться, таская воду на гору в ведрах. Приметы эти на первый взгляд деловые, хозяйственные, но они как нельзя лучше сочетаются с громом ледоходов и певчим птис, с солнцем и цветами. Даже сердечные дела не остаются в связи с этим в стороне — весной встречи влюбленных, а осенью свадьбы, и куда как хорошо, когда можно сыграть эти свадьбы весело и богато, с большими надеждами!

Первыми весну встречают влюбленные и влюбленные: агрономы следят, как уплотняются снег и наполняются водой ложбины, а влюбленные моют под первой каплей. Агрономы доведут свое дело до конца, об этом можно не беспокоиться. А влюбленным можно посоветовать: не слушайте литературных критиков, которые говорят, что нельзя обьяняться в любви под шум станков, произносить ласковые слова возле трактора и говорить на

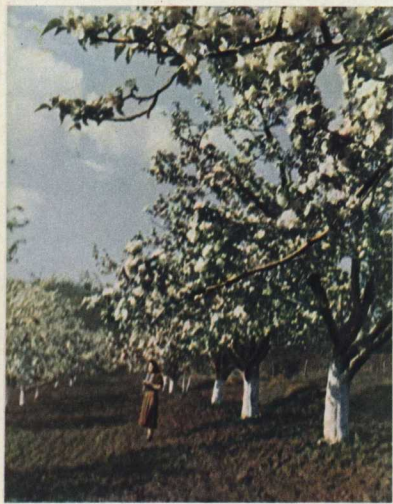
Весна начинается громом ледохода и веснушками у подростиков, а заканчивается цветением трав и шелестом колокольчиков. Это повторится из года в год, но сколько бы ни создавала литература портрет весны, она всякий раз является по-новому. И это не только потому, что на других ветках поют другие соловьи, а и потому, что новые думы, надежды, заботы лежат на душе человека, другие дали видятся народу. Внутренний мир человека обновляется быстрее, чем природа, среди которой он живет. Более того, человек сам обновляет природу, помогая ее возможностям раскрыться по-новому.

Тот, кто весной говорит только о выполнении плана, не замечая красок жизни и не понимая, что ради именно этой жизни и надо выполнять план, тот, конечно, сдухар. Разве мы находимся на службе у плана, даже самого хорошего, а не он у нас? Но и певчие соловья лучше всего слушать после сытного обеда и в предвечерней ужины: восторженно, так сказать, дождит. Между тем, если хорошенько подумать, то даже зинние обеда и ужини начинают

Фото
Д. Берлинера,
В. Гиппенрейтера,
И. Раснича,
А. Скурихина,
В. Тюкиела.

ловека, обладающего хоть самой малой долей воображения, захватывают, как увлекательный фантастический роман. Внедрение атомной техники, электронные машины, освоение целинных земель, превращение Сибири в цветущий край с гигантскими гидростанциями и новыми шахтами и городами, запуск искусственного спутника земли — ни одно поколение в прошлом не имело перед собой такой потрясающе интересной и в то же время реальной цели! Только те, в чьих жилах течет холодная рыба́ кровь, кому равнодушие

застилает глаза, как засыпающему на берегу суаки, могут не испытывать подвига в такие дни. Но только сожаления и достойны такие молодые старички!

На огромные просторы нашей страны пришла весна. Пришла она и в сердца людей. В теплую землю ложатся зерна, которые завтра встанут богатым урожаем, в сердцах людей растет вдохновение, из которого завтра родятся новые успехи и победы нашей жизни.

Здравствуйте, новые дали весны!

Н. ГРИБАЧЕВ

свидании о выполнении планов. Хорошие чувства всегда хороши! И на свидании говорите обо всем на свете, о чем хочется говорить, в том числе и о работе и о выполнении плана: чистая, искренняя любовь дает вдохновение в труде, а успешный труд лучше всего хранит любовь от ржавчины и плесени.

Молодые люди по непосредственности своей и малому опыту полагают, что весна придёт специально для них и что цветы расцветают для того, чтобы дарить их девушкам. В этом много правды: наши парни и девушки и сами — весна нового, грядущего. Какие просторы для вдохновенного творчества, романтики, героизма открываются перед ними! Преобразования по плану шестой пятилетки для че-

В ПОИСКАХ ПРАВДЫ ЖИЗНИ

В скудно освещенной комнате с неказистой мебелью на пологом матрасе присел, ссутулившись, невеселый парень. На нем — серый рабочий ватник, на ногах — сапоги, зашоренные цветной нитью, а в руке — желтый целлофановый утенок. В горькой задумчивости смотрит он на игрушку...

Смысл картины «Уехали» становится понятен с первого же взгляда: желтый, смешной утенок — вот все, что осталось у человека от уехавшей семьи. И случилось это, видно, не по его вине. Скорее всего, прозаическая обстановка рабочего поселка на стройке пришла не по душе его жене...

Сколько раздумий вызывает эта правдивая сцена, изображенная на картине молодого художника Г. Коржева! К сожалению, еще встречаются у нас молодые семьи,

где люди живут совершенно разными интересами, не понимая друг друга, испытывая от этого непонимания обиду, горечь, боль. Без назойливой драматизации, без надрыда, скромно и строго показывая эта картина, а как трагист она кажется!

Другая картина Г. Коржева — «Осень» — также рассказывает о семейной разломе. В уютной комнате, где много книг, где привидно светится зеленый глазок приемника, двое молодых людей решают свою судьбу. Вероятно, им придется расстаться. А за окном — осень. Такая же осень и в их сердцах...

Хочется сразу же отвести возможное подозрение в том, что художник любит смаковать «бытовые» складнички, обостренные конфликты. Нет, раскрывая конфликты, художник каждым мазком кисти по-своему выражает прежде всего искреннюю, гаубоучную боль за своих героев, за своих неумелых, ошибающихся ровесников.

Рядом с этими двумя полотнами радостной несет о хорошей, прочной, настоящей советской семье звучит третья картина художника — «Приехал со стройки. Загорелого, мужественного, во-

левого строителя в кожанке, с большим медальоном и трогательной связкой лука (подарок козьяке-жене), восторженно встречают в дверях сын и жена... Чувствуется, что дружба и любовь, общность интересов и взглядов крепко связывают воедино эту семью, и ей не страшны никакие разлуки, никакие разломы.

Молодой художник Гелий Коржева показал на выставке три свои картины — и вот уже ясно просматривается за ними определенный круг его волнений и забот, его внимание к жизни, его профессиональное мастерство.

Художник по-настоящему «болеет» своею темою, а не просто иллюстрирует известную истину о необходимости строгой морали. В этом отношении его работы выгодно отличаются, например, от картины М. Стржеженова «Одноклассники», представленной на той же выставке. Здесь тоже как будто бы поставлен острый вопрос: идти ли в будущее дорогой труда и поиска или отдать все это за тихий домашний мирок, за социальную жизнь, за золотые кольца и бриллианты. С сожалением и укором смотрят изображенные на картине девушки-комсомолки на своего полдругу в молдом розовом халате, которая избрала как раз второй путь...

Слов нет, значительная, очень жизненная проблема. Но художник не хватает личной гаубоучной заинтересованности в ней. Иначе он нашел бы свои собственные средства выражения, а не цеплялся за надоевшие розовые халаты, кофты, журналы мод, куколки, статуэтки и прочие вещички аксессуаров мешанского бытия. Психологический анализ «героини» художник подмывает внешними подробностями обстановки и этим упрямой, смакуывает свой хороший замысел.

Г. Коржев, наоборот, идет путем внутреннего поиска жизненной правды, путем создания образа. В его картинах детали обстановки быта лишь дополняют образ, помогают его раскрытию.

Правильное решение темы картины приводит к художнику от тесной связи с жизнью. И хорошо сделал Гелий Коржев, что не замкнулся после окончания институту в стенах мастерской. Он путешествовал по Волге, ездил по селам Кировской области, писал этюды, знакомился с людьми, жадно интересовался всем, что происходит вокруг.

И заметил, — рассказывает молодой художник, — что в наши дни многим специалистам, в особенности строителям, железнодорожникам, энергетикам, часто приходится переезжать с места на место. Об этом и в художественной литературе говорится. В Москве, правда, это случается реже:

Г. Коржев. Приехал со стройки.

не каждый решается уехать из столицы и оставить квартиру. На периферии же проще: переезжают на одного города а другой, с одной стройки на другую вместе с семьями, с детьми, с вещами... Есть в этом много хорошего. Но бывают и осложнения в семьях... Думаю об этом, а я написал картину «Уехали»...

Каждую картину можно образно представить себе, как распахнутое окно в мир. Бродя по залам второй выставки молодых московских художников, мы видим

сквозь такие окна много интересного, волнующего, хорошего, свежим ветерком веет из этих раскрытых окон...

Вот сельские ребятишки, с радостными, сияющими лицами, плывут у реки колхозные коней... Сколько света, подлинной жизненности, яркости красок, выразительности образов в живописи молодого художника А. Орловского! В выборе художником тем мы чувствуется своя точка зрения, творческий поиск, любовь к материалу.

Г. Коржев. Уехали.

Коллежница Свердловского государственного драматического театра поставила memorableного драматурга Юрия Мичина «Разломанная». Пьеса посвящена жизни молодого Урала.

На вкладке: сцена из пьесы «Разломанная». Сцена исполнена основными ролями: Коля — арт. И. Волошин, Вадим — арт. В. Шаронов, Владимир — арт. М. Иванов, Лера — арт. А. Фомичева, Алма — арт. В. Сивач, Леша — арт. Ю. Васильев.

Фото А. Моклецова.

А вот другое полотно. Улица небольшого городка, где летящий рядом клуб и рынок, в пыли гуляют куры и тут же стоит колхозный грузовик, мчится на велосипеде веселый парень-комсомолец. «В районном центре» — так называется эта картина молодого художника П. Осовского. С большим настроением рассказывает он нам о районных буднях, о том, как приходит на смену старому новое в каждом уголке нашей страны. Автор картины наблюдатель. Вот почему многие из посетителей выставки, останавливаясь перед картиной, узнают в ней знакомые улочки районных городков.

Правдиво и красочно отражают различные моменты нашей действительности картины молодых художников М. Соколова «Гити Кубышевской ГЭС», В. Немского «Машенька» («Наша сестра»), М. Анищева «Любимое занятие», Н. Свирина «Воскресный день на Ленинских горах», И. Давыдова «Колхозный сторож», суровые пейзажи В. Стожарова, лиричный этюд В. Гаврилова «Летний сезон кончился» и другие.

Каждое из названных небольших полотен — это картина нашего времени. И нам представляется, что в любом из них правды жизни больше, чем в колоссальном панно, написанном как будто бы на самую главную тему — «На строительство ГЭС». Нельзя забыть о необходимости и напрасно авторы панно И. Березков, И. Власов, Б. Дятлов, Б. Казакон, А. Штейман поставили перед собой невыполнимую задачу: «отразить» на одном полотне и производственную тематику, и красоту природы, и любовь, и дружбу народов, и многое другое.

Стремление идти от правды жизни, а не от схем — вот что характеризует лучшие произведения выставки. К ним можно причислить скульптуру Ю. Нероды «Сибиряк», этюды В. Езлакова, сатирические плакаты Е. Щегова.

Интересен небольшой, очень свежий этюд В. Сидорова «Снег выпал». Рано, писавшо выпавший снег покрыл еще не успевшую облететь листву и густую зеленую траву. Как живописно сочетается на эстаде яркая зелень снега с мажорной безликой растеня!

Однако студенты сельскохозайственного вуза, осмотрев выставку, скептически заметил в Книге отзывов: «Такое не бывает! Нет, товарищи, бывает! Но беда в том, что некоторые художники долго приучили нас видеть действительно в упрощенном, схематическом, одноплановом виде, не содержащем никакой находки, никакого открытия, ничего подометренного в бесконечно разнообразной сокровищнице жизни. А для художника нет ничего хуже такой близоруковости, неумения замечать вокруг себя новое, значительное, интересное.

К сожалению, на выставке молодых встречаются и бесцветные, малосодержательные вещи. Большую серию этюдов «Наша Москва» предания художник Г. Храпак. Однако этюды этой серии выполнены без глубокой мысли, они поверхностны, фотографичны и ни в какой мере не отражают многообразную жизнь нашей столицы. Этот же упрек относится и к парижской серии Ю. Жданова, который из заграничной поездки привез обычные открыточные виды.

В произведениях молодых хочется чаще встречать развороженные пласти и подлитой доселе тематической цели, хочется видеть большие поиски в содержании и форме. Но этот поиск не должен приводить к беспредметному оригинальничанью, к формализму. Для подлинно жизненных произведений не нужна пестрая одежда украшательства. В ней нуждаются только бессодержательные, пустые вещи, которым немее прильщ сердца. Убедительным доказательством этой истины являются

сы представленные на выставке псеудо-оригинальные, претенциозные работы художников В. Вейсберга и А. Васнецова, которые выставили плоские, заведомо неприглядные натюрморты, изображающие неприглядную со стола посуду, а также малоразрешенные, искаженные женские портреты.

В целом выставка молодых художников-москвичей производит впечатлительное впечатление чуткого, активного отношения к жизни.

В эти же дни в залах Академии художеств демонстрировались дипломные работы выпускников художественных вузов. Человеку, пришедшему на эту выставку, с первых же минут начинало казаться, будто попал он в один из старых музеев. И главная беда в том, что здесь слишком много картин на знакомые исторические сюжеты, а в том, что большинство из них явно подчищено учебнической задачей: показать свое умение в разработке сложной композиции. Не по этой ли причине черпают дипломники свои темы не в бурной реке жизни, а в архивах и библиотекках?

Студенты Художественной академии в прошлом веде преимущественно писали на античные темы. Грустно видеть, что сегодняшние выпускники не далеко ушли от них.

Вот на огромном холсте П. Литвинского стоит с обнаженным мечом в руке страшно на кого-то похожий Епифаний Козарев. Внимание зрителя привлекает не столько сам Епифаний, сколько тщательно выписанные колчуги, шкуры, щиты и прочие детали одежды и вооружения. Вот на еще более огромном полотне Л. Рубинштейна штурмуют Выборг почти сурковские воины. А вот, наконец, и гладышаторы Спартак на эскизах декораций Ю. Гарасова.

При взгляде на каждую из этих работ вспоминаются многие и многие «первострочки». Не чувствуется здесь попытки открыть новые земли. А ведь именно это

требует от художников искусство.

Знакомясь с выставкой, приходишь к выводу, что студенты наших художественных институтов, вероятно, слабо связаны с действительностью, слабо знают о текущих своих учебных профессиональных занятиях, не изучают людей, не стремятся активно вмешаться в жизнь. Вот почему в стенах художественных вузов вырастают много хороших иллюстраторов (средя них нельзя не отметить очень талантливых графиков А. Борисова, А. Зыкова, Ф. Малюгина) и мало выдающихся, думающих живописцев.

Слов нет, одна из главнейших задач каждого студента творческого вуза — овладение мастерством. Но даже в процессе этого нельзя все внимание уделять лишь форме, лишь мастерству. Это приучает не думать о содержании. Отсутствие интереса к жизни, к ее действительным эффектам в конечном счете приводит к формализму и в живописи. В родственной области, например в поэзии, такая система обучения порождает довольно много пустых перифрастов. Изучение мастерства должно идти параллельно с изучением жизни.

Правда, некоторые из дипломников все же пытаются отразить в живописи будни и героизм нашей славной жизни. Но молодые живописцы, выпускники институтов, так же как и многие их учителя — рисовальщики, не делают это очень робко, боясь коснуться каких-либо волнующих, острых вопросов. Поэтому и появляются картины, где конфликты ставятся и решаются в сфере детских, школьных отношений, где самая серьезная проблемная является разбитое футбольным мячом стекло или погубленная дойка. К таким произведениям можно отнести картину М. Пущного «После уроков», изображающую плачущую в пустом классе девочку и стоящую рядом с ней удивленную учительницу.

Зато как радостно увидеть рядом настоящее, высокохудожественное произведение искусства, проникнутое героическим пафосом и полное в то же время ощущение реальных жизненных трудностей! Именно такое впечатление производит полотно молодого художника И. Гарманбекова «Рыбаки Балтики».

С тревогой и надеждой ожидаю на бере успешных в море рыбаков их друзей и родные. А в море не на шутку разгулялся шторм. Огромные волны бьются о камни, веетштормует ветер. Но никто не уходит домой... Не только тревогой — мужественной романовой труду дышит эта правдивая картина.

Очень хорошо и по-своему увидели горные пейзажи молодым художником Н. Лой. Нельзя не отметить также удаче скульптора Л. Кулакова, сумевшей в очень пластической, истинно прекрасной форме отобразить крешущую дружбу русского и китайского народов.

В эти и многих других представленных на выставке работах чувствуется хорошее владение цветом, большая и серьезная забота. Окончив институт, молодые художники научились мастерству. Однако вперед у них самое трудное — научиться видеть жизнь.

Н. Свирина. Воскресный день на Ленинских горах.

Ирэн ЖОЛИО-КЮРИ,
Фредерик ЖОЛИО-КЮРИ

ВЕЛИКИЙ ФИЗИК

Эта статья написана Фредериком и Ирэн Жоллио-Кюри по просьбе Института истории естествознания и техники Академии наук СССР и редакции журнала «Смена» и 50-летие со дня смерти великого французского физика Пьера Кюри.

Публикуя статью, пользуемся случаем, чтобы выразить Ирэн Жоллио-Кюри наше искреннее соболезнование по поводу постигшей его тяжелой утраты — безвременной кончины его жены Ирэн Жоллио-Кюри, которая вместе с ученым и борца за мир, верной дочерью Фрэнкинг, большого друга Советского Союза.

С разрешения авторов статья печатается с некоторыми сокращениями.

В настоящее время трудно найти полное одностороннее собрание сочинений Пьера Кюри, изданное Французским физическим обществом. Книга производит большое впечатление, свидетельствуя о необыкновенных качествах этого ученого, и в то же время помогает нам понять те изменения, которые произошли в науке с начала нашего столетия. Прежде всего нам кажется полезным отметить то благоприятное влияние на формирование образа мысли Пьера Кюри, которое оказало на него в юности семья и в первую очередь его отец, Эжен Кюри, — личность выдающаяся, сын врача и сам врач.

Политические, социальные и религиозные взгляды Эжена Кюри, его деятельность во время великих событий прошлого века оказали в дальнейшем глубокое влияние на возвращение Пьера Кюри. Убедившись республиканцем, Эжен Кюри привнес в семью в революцию 1848 года и, оказывая помощь революционным борцам, разделял с ними все невзгоды, которые несла Республика. Республиканское правительство наградило его медалью за проявленное мужество. В дни Парижской Коммуны Эжен Кюри находился в тюрьме в свой четверть, находясь рядом с одной из баррикад. Переносить раненого помогали ему сыновья, которые сохранили об этом событии живое воспоминание.

«Семья, в которой выросли Жак и Пьер, отличалась скромностью и нуждалась материально, но в ней царил атмосфера нежности и любви», — отмечает Мария Кюри в своей замечательной книге, посвященной Пьеру Кюри.

***

Нам кажется неизбежным сопоставить научную деятельность Пьера Кюри, которая началась в 1881 году и кончилась в 1906 году, с научной деятельностью Марии Кюри-Склодовской с 1897 по 1934 г.

Начиная с первой работы о намагниченности сталей, дальнейшие труды Марии Кюри были посвящены исключительно радиоактивности; она специализировалась в одной довольно узкой области науки, как это делают почти все ученые нашего времени. Пьер Кюри, наоборот, еще представлял собой человека прошлого века. Конечно, он уже не принадлежал к той эпохе, когда ученые могли охватить своими познаниями все области наук, начиная с математики и кончая такими естественными науками, как биология, но можно с уверенностью сказать, что физике в целом являлась родной стихией Пьера Кюри. Притом он был одновременно и теоретиком и конструктором экспериментатора, создателем новых приборов и технических приспособлений.

Еще в возрасте 21 года Пьер Кюри теоретически предсказал существование явления Восточного Ветра. Это предсказание со своим братом Жаком подтвердил это открытие экспериментально. Братья немедленно использовали новое явление для усовершенствования электромоторной техники и для создания нового типа электродвигателя, улучшающего условия проведения тончайших электростатических измерений. Они применили пьезоэлектрические кристаллы для созда-

ния приборов, позволяющих измерять очень слабые заряды и электрические токи, а также давления. Значительно позднее этот способ использовал Поль Ланжевэн для измерения морских глубин ультразвуковыми волнами.

Груда экспериментатора был, таким образом, тесно связан с трудом теоретика. Конечно, так часто бывает и с физиком наших дней, но чаще всего современный физик-экспериментатор имеет возможность работать только над теми упрощенными теоретическими проблемами, которые находятся в прямой связи с областью, изучаемой им экспериментально.

В отличие от этих ученых Пьер Кюри долго работал на принципиальной симметрии в физических явлениях: сначала в связи со своими исследованиями в области кристаллографии и пьезоэлектричества, а затем в гораздо более широком плане. Впрочем, если исследования, которые привели к формулировке общего принципа симметрии причины и следствий в физических явлениях, относительно хорошо известны, то многие другие работы по важнейшим проблемам, занимавшие мысли Пьера Кюри, не были даже опубликованы. Мысли и идеи Пьера Кюри стали предметом строгого нарастания темпа публикации научных трудов в различных странах.

Несмотря на нужду и недостаток средств для научной работы, Пьер Кюри был бескорыстен и не желал влезать материальную выгоду из своих открытий и изобретений. Он радовался открытиям других ученых, как своим собственным.

Для оценки пути, пройденного наукой, характерен пример Пьера Кюри, ученого исключительной одаренности, всегда трудившегося спокойно и без спешки, но и почти без материальных средств. Каждая из многих его работ — открытие пьезоэлектричества, открытие связи симметрии в физических явлениях и основных законов магнетизма, наконец, совместно сделанное с Марией Кюри открытие радиоактивных элементов — могла бы прославить любого ученого.

Научные достижения произвели переворот в человеческой жизни. Смотря по тому, как люди используют результаты науки, могут быть получены великие блага или произведены огромные разрушения. Справедливо оценивая эти две стороны науки — благотворную и разрушительную, — многие ученые становятся активными противниками преступного использования достижений науки.

Успехи науки произвели переворот и в ней самой. Наше поколение еще не сумело приспособиться к новому миру, который стал для нас неизбежностью. Нам становится все труднее жить в курсе всего нового, и часто это оказывается выше наших возможностей.

Мы колеблемся между слишком узкой специализацией, грозящей притупить наш ум и распылением сил, что приводит к неэффективности их использованию. Мы стремимся присутствовать на лекциях, коллоквиумах, научных

конференциях, но тогда нам не хватает времени для размышлений и собственной научно-исследовательской деятельности. Но мы убеждены, что молодые ученые, которых становится все больше и которые проникают в водосток научных исследований, найдут то равновесие, которого нам не хватает сегодня. Для многих из них исследовательская работа — профессия, как всякая другая. Ее любят, сознательно отдавая себя ей, не пытаются заниматься всем сразу и с полной свободой пользоваться результатами работ, хотя бы и незворонными, опубликованными любой страной.

Но как бы ученым типа Пьера Кюри, творческим медленно, медленно проникающим вглубь разрабатываемых ими областей? Как приспособиться они к обществу, создавая ученым такого типа условия, наиболее благоприятные для проявления их творческих способностей?

Что сейчас сделано в этом направлении в странах передовых наций? Заключившая своей краткой очерк жизни и деятельности Пьера Кюри, мы не найдем лучшего ответа на этот вопрос, чем тот, который дал его замечательная подруга жизни:

«Как же награждать ученых наше общество за их блестящий талант и громадные услуги, оказанные человечеству? Располагают ли эти служители научной мысли необходимыми средствами для работы? Обеспечены ли они материалами? Пример Пьера Кюри и многих других показывает, что ничего этого нет и чтобы завоевать возможность работать, надо сначала потратить молодость и силы в повседневных заботах.

Наше общество, где царствует жадная роскошь и богатства, не понимает ценности науки. Оно не представляет себе, что наука — часть его самого драгоценного морального достояния; общество не отдает себе полного отчета в том, что наука является основой всякого прогресса, облегчающего жизнь человечества и уменьшающего его страдания.»

Пусть эта истина широко распространится и глубоко проникнет в общественное сознание, чтобы будущее было менее суровым для пионеров науки, разрабатывающих новые области знания на благо всего человечества.»

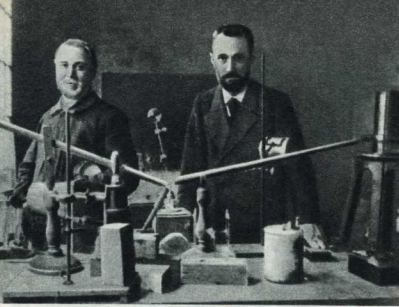
К сожалению, эта истина еще недостаточно усвоена в странах, подобных нашей, и призыв Марии Кюри сохранил всю свою силу. Разве значение этого призыва не доказываются опытом стран социалистического строя — таких, как Советский Союз, где проявляют величайшую заботу об ученых и создают самые благоприятные условия для научного творчества в интересах общества?

Многие деятели науки таких стран, как наша, уже осознали значение этих мер, поняли причины достигнутых успехов; и это вселило в них большие надежды. Они считают своим долгом быть с теми, кто в своих странах прилагает все силы, чтобы осуществить преобразования, позволяющие полностью использовать науку на общее благо.

Париж.

1 марта 1956 года.

(Перевод с французского.)

Пьер Кюри (справа) в своей лаборатории.

Памятник великому драматургу в его родном городе.

В СТРЕТФОРДЕ НА ЭЙВОНЕ

Вильям Шекспир... Это имя близко и дорого каждому человеку с романтическим лет, когда он впервые знакомится с бессмертными творениями великого англичанина — веселыми ко-

медиями «Двенадцатая ночь», «Много шума из ничего», «Укрощение строптивой» или бурными трагедиями «Отелло», «Гамлет», «Король Лир».

В апреле этого года исполня-

ся 340 лет со дня смерти драматурга. Он умер в 1616 году в тихом Стретфорде в графстве Варвикшир, которое принято считать «сердцем Англии». Вся жизнь Шекспира связана со Стретфордом на Эйвоне, и этот городок уже давно стал местом паломничества не только англичан, но и людей всех наций, всех стран.

Триста сорок лет прошло со дня смерти Шекспира, но в древнем Стретфорде все хранит на себе неизгладимые следы его пребывания здесь, его жизни, полной творческого труда.

Все так же несет свои спокойные воды Эйвон; белые лебеди, величественно изогнув шеи, медленно скользят по гладкой реке; зеленуют обширные луга; первые весенние цветы — белые, желтые, фиолетовые — покрыли землю яркими коврами; низко склонились к воде только что распустившиеся ветлы. Может быть, это было таким же в тот апрельский день 1564 года, когда у Джона Шекспира, стретфордского кожевника и торговца, родился сын Вильям. Это произошло в небольшом двуэтажном доме с деревянным каркасом на улице Хэнли-стрит.

Теперь здесь музей. В комнате на втором этаже, которая, по преданию, является той самой, где родился Шекспир, стоит кровать и маленькая деревянная койбель — так, возможно, выглядело все это в те отдаленные времена. В доме хранится различная утварь, характерная для времени Шекспира; в небольшом уютном саду, разбитом позади дома, собраны деревья, цветы и травы, упоминаемые в произведениях Шекспира.

Каждый год в этот дом приходит многие десятки тысяч посетителей, и не все из них расписываются только в специальной книге; многие видные поэты и писатели, артисты и художники вырезали свои имена... на подоконниках, на балках каркаса дома, на деревянных вешах.

Неподалеку от дома на Хэнли-стрит возвышается построенная еще в XIII веке каменная церковь с зубчатой колокольней, увенчанной крестом с флюгером в виде петуха. К церкви примыкает покоившееся от времени низенькое деревянное строение в характерном старинном английском стиле; второй этаж нависает над первым,

над крышей поднимаются тяжелые трубы каминов. Это школа, в которой, как полагают, учился Шекспир, и богадельня, что и по сей день служит пристанищем для стариков. В школе Шекспир учился чтению, письму, счету и латинскому языку.

Восемнадцатилетний Шекспир женился на Анне Хатвей. Она жила неподалеку от Стретфорда; доныне сохранился принадлежавший ее семейству «коттедж» — старинная крестьянская постройка под соломенной крышей, стоящая под тенистым фруктовым садом. Это один из самых живописных шекспировских памятников.

Многие годы жизни Шекспира связаны с Лондоном. Вместе со своим другом, выдающимся актером Ричардом Барбеджем, Шекспир, тогда уже известный драматург, основал знаменитый театр «Глобус». Это было деревянное, а здание усеченного восьмигранника здание на южном берегу Темзы. Здесь шли пьесы Шекспира с участием Барбеджа, пользовавшиеся огромным успехом. Глобус не существовал около семидесяти лет, пока не был уничтожен пуританами — религиозными фанатиками, ненавидящими театр. Во времена Шекспира бродячие актеры часто играли спектакли во дворах гостиных. Это были многоэтажные строения, иногда занюханной формы, с многочисленными балконами, на которых располагались зрители. Время уничтожило старинные здания, но одно из них сохранилось в Южном Лондоне.

В конце апреля, когда по традиции проводится шекспировская неделя, во дворе этой гостиницы играется как раз-нибудь шекспировский спектакль, причем исполнителями являются лондонские студенты или учащиеся.

Здесь же, в Южном Лондоне, находится известный в Англии и за ее пределами драматический театр Олд-Уин, сцена которого из года в год осуществляет постановки шекспировских пьес. Театр поставил своей целью дать сценическое воплощение всех тридцати пьес Шекспира.

Но вернемся на родину великого англичанина. Став известным поэтом и драматургом, Шекспир купил новый дом в Стретфорде на Эйвоне. Усадьба была расположена на улице Чепел-лэйн и называлась Нью-плейс — новое место. Шекспир прожил здесь свои последние годы, переселившись из Лон-

Стретфорд на Эйвоне. В этом доме родился Вильям Шекспир.

¹ Обычно считают, что день рождения Шекспира совпадает с днем его смерти — 23 апреля.

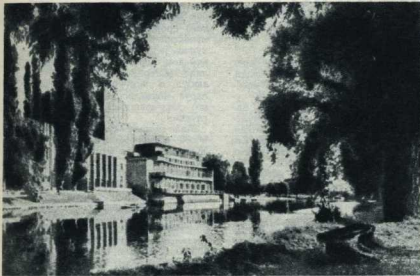
дона; здесь же оборвался его мизансцена.

Увы, этот дом не сохранился для последующих поколений! Он переходил из рук в руки, пока не попал во владение к некоему священнику Франциску Гастреллу. Это было в середине XVIII века, когда имя Шекспира стало известно далеко за пределами Англии и сами англичане начали проявлять большой интерес к своему на какое-то время несправедливо забытому соотечественнику.

Каждый день приходили люди к усадьбе Нью-плейс, чтобы взглянуть на дом, в котором жил Шекспир, и на тугоое дерево, посаженное, по преданию, его руками. Гастрелла раздражали многочисленные посетители. Он прика-

ровский театр в Стретфорде, открытый в 1879 году в результате долгих усилий почитателей Шекспира. Каждый сезон здесь создаются новые постановки шекспировских пьес, звучит вечно живое и действенное слово гениального драматурга и поэта.

Ежегодно в день памяти Шекспира в Стретфорде на Эйвон устраивается торжественная церемония, в которой принимают участие официальные представители всех стран, с которыми Англия поддерживает дипломатические отношения, тысячи туристов, прибывающих сюда с разных концов света, многие тысячи стретфордцев. На вышки мачтах взвываются флаги многих государств; процессия с венками и букетами цве-

Шекспировский театр в Стретфорде.

зал срубить дерево, а затем — снести дом...

Стретфордцы изгнали иракобеса, но ценнейший памятник был навсегда потерян. О шекспировском доме говорят лишь камни фундаменте да небольшая, хранящаяся в постройке здесь лужее круглый стол, крышка которого сделана из срезов дерева, некогда срубленного Гастреллом. Этих срезов пятьдесят два — столько лет прожил Шекспир. На Нью-плейс стретфордцы разбили сад с затейливо подстриженными кустарниками и яркими цветами. Каждый день здесь можно видеть сотни посетителей со всех концов земли.

Над тихим Эйвонном высоко возвышается восьмигранной шпиль приходской церкви, окружающей тенным парком. Шекспир похоронен в алтаре церкви, и над могильной плитой в нише стоит бюст поэта, сделанный голландским скульптором Иенсеном.

Памятник Шекспиру поставили на берегу его любимой реки у старинного Клоутонского моста. Поэт сидит в кресле с пером в руке, обратив взор на Эйвон. Четыре фигуры расположены по углам площадки, на которой возвышается центральный монумент: это символические изображения Комедии — чревоугодник Фальстаф, Трагедии — страшная леди Макбет, Философии — погруженный в размышления Гамлет, Истории — поднимавший корону принц Генри.

Но из всех памятников, которые воздвигнуты Шекспиру на его родине и за ее пределами, самым ценным следует признать шекспи-

ровский театр в Стретфорде, который проходит по улицам города от шекспировского театра мимо дома на Хэзл-стрит, мимо Нью-плейс к месту погребения поэта. На надгробной плите вырастает холм из живых цветов.

Один из самых ярких и больших венков возлагают на могилу Шекспира советские представители. И снова встают в памяти много раз повторявшиеся, но всегда поражающие своей глубиной слова Милы Сергеевны Турганова, сказанные им по случаю транс-

лета со дня рождения Шекспира:

«Мы, русские, празднуем память Шекспира, и мы имеем право ее праздновать. Для нас Шекспир не одно только громкое, яркое имя,

которому поклоняются лишь ирредика и изданы; он сидел в нашей плоти и крови».

В. МАЕВСКИЙ

Фрагменты из спектаклей шекспировского театра в Стретфорде. Вверху: сцена из III акта трагедии «Король Лир». Внизу: Юлиан Блюма в роли Офелии; Годфри Тирн — Отелло; Антон Казейя в роли короля Генриха VIII.

Мануаль РОХАС,
чилийский писатель

СТАКАН МОЛОКА

Рассказ

ту назад, остановился неподалеку и наблюдал эту сцену. Он тоже хотел есть. Вот уже полных три дня он ничего не брал в рот, три дня, долгих дней. Больше по рожности и застенчивости, чем из-за гордости, не стоял он в обеденный час у стойки барабана в ожидании какого-нибудь пакета с остатками еды — сырными корками и кусочками мяса. Не раз ему предлагали обеды, но он героически отвергал их и каждый раз после этого еще сильнее чувствовал голод.

Вот уже шесть дней он бродит по улочкам и закоулкам порта. Его оставил здесь английский пароход, следовавший из Путо Аренас. Случилось так, что в порту Путо Аренас он бежал с корабля, у капитана которого служил мальчиком по побушкам. Месяц он пролежал там, помогая старому рыбаку ловить раков. Потом таким образом попал на первый же идущий на север пароход. Его обнаружили на следующий день и заставили работать у котла. А в первом крупном порту, встретившемся на пути, высадил и оставил, как какой-нибудь труп, без адреса и получателя, без единого сентаво в кармане, не владеющего никаким ремеслом.

Пока корабль стоял в порту, можно было поесть, но потом... Большой город, расположенный за углом по правую сторону от котла, запертый на замок, а в море, казалось, здесь, среди высоких стел домов и прямых улиц, живут и умирают люди, оглушенные всепоглощающей погоней за куском хлеба.

Всем его существом выдала страсть к морю, которое ломает своей могучей рукой, словно трости, жилища даже более отважных людей и слышит. Несмотря на свою молодость, он уже сделал несколько рейсов вдоль берегов Южной Америки на разных кораблях, выполнял самую рачительную работу, изучил многие ремесла, но меньше, ипроче, пользы на суше.

После ухода парохода он шagal и шгал по набережной в надежде на приобретение какого-нибудь корабля, чтобы попытаться поступить на него и хоть как-нибудь существовать и прожить себе дорогу. Но ни одного такого парохода не было.

Вместе с ним по порту ходило множество бродяг — моряков без контрактов, или бежавших, как он,

с корабля, или списанных на берег по старости. Все это были люди, обремененные на безделье, на необходимость поддерживать свое существование нежизнью чем, надеяться кто знает на какие чудеса или ни на что не надеяться. Здесь встречались представители всех рас и народов, даже самых экзотичных и диковинных, а чье существование вряд ли поверишь, не убедившись в этом воочию.

***

На следующий день, чувствуя, что больше невозможно бороться с голодом, он решил прибегнуть к любому способу найти себе пропитание.

Проходя по причалам, он оказался перед парходом, пришедшим прошлой ночью и грузившимся шпичей. Цепочка людей, тапшавших на спине тяжкие мешки, заворачивала от вагонов, пересекла площадку и поднималась к люкам, где приемщик принимал груз.

Некоторые время парень смотрел, не отважываясь заговорить с надсмотрщиком и предложить свои услуги. Но его почуял, звякнул, и, обрадованный, он присоединился к длинной цепочке грузчиков, составила зявно в цепь люда, непрерывно тапшавшего от вагонов к трюму, от трюма — к вагонам.

Первое время работа спорилась, но вскоре он почувствовал усталость и головокружение. Согнувшись под тяжестью мешка, он зашатался на стойках, посмотрел в глубокую промашку между бортом и стеной причала, где глухо плескалось загрязненное нефтью и всякими отбросами море.

Во время короткого перерыва на завтрак некоторые грузчики пошли закупить в трактор. Другие тут же или принесенные с собой сандвичи. Он же, чтобы заглушить голод, распустил в стороне, прямо на земле.

К окончанию рабочего дня он был совершенно измотан, доведен до полнейшего физического истощения. Пучкица понемногу расходилась домой, а он сидел на мешках, дожидаясь надсмотрщика. И когда последний из рабочих ушел, парень подошел к надсмотрщику и смиренно, не распространяясь, что с ним приключилось, спросил заплатить за работу или, если это возможно, судить немного денег в счет уже заработанных.

Надсмотрщик ответил, что по существующему порядку расчет производится после окончания ра-

боты, для этого надо потрудиться еще день.

— Но... — сказал он, — если вам нужны деньги, я мог бы одолжить несколько сентаво... Больше у меня нет.

Парень поблагодарил его, тихо-тихо улыбнулся и ушел. Он понял всю безнадзорность положения. Он хотел есть, есть, есть! Голод, как тяжелый, широкий бич, сгибал его; он видел, что бегущий надолго зеленый туман и, шагая, шатался, как пьяный. Глухие, интурирующие припутьи голода не давали ему возможности даже стоять. Это не было болото, это была густая, тушная, прерывающаяся поэмами на тошноту: ему казалось, что какой-то тяжелый груз придавил его. Получившая жежда внутри, он остановился. Потом начал стискиваться, сгибаться, как гнется железная полоса под прессом. И в гонимости проносился: «Падаю!» В это мгновение как бы осязая наступление перед ним. Он увидел родной дом, дорогую сердцу природу, любимую матери, братьев — все, что любил, о чем страстно мечтал, радуясь, покаявшись перед его закрякиванием от страдания глазами...

Мало-помалу слабость прошла, и он начал приходить к себе. Парень решил утихнуть. Парень он выпрыгнул. Грудь судорожно вздымалась. Может быть, еще час — и он потеряет сознание, свалится.

Он чавкал шаг, как будто обвешан от нового припутья морской болезнью. Он решил, окончательно решил, где утопить, но поест, обманчиво бесстрашно, очень смело, его ступает, бьет, посядет в тюрьму — он готов на все! Главное — поест, поест, поест. Сотню раз он повторял мысленно это слово. Он не выдержит. Он не выдержит. Он скажет хозяину какой-нибудь харчевни: «Сеньор, я хочу есть, но у меня нечем заплатить. Делайте, что хотите.»

***

Он дошел до первых улиц на окраине города и на одной из них увидел молочницу. Это был маленький магазинчик, очень светлый и чистый, с маленькими мраморными столешками. За стойкой хлопотала пожилая блондинка в белоснежно-чистой переднице. Правда, можно было поест в одном из торговых тракторов, но они всегда переполнены игроками, пьяницами, бродягами.

Он не считал единственным посетителем — близорукого старика, уткующего носом в развернутую газету, — в молочной витине не было. Понемногу парень почувствовал совершенно не двигался, как бы приклеившись к стулу. Перед ним на столешке стоял наполовину выпитый стакан молока.

Парень решил подождать, когда старик уйдет, а пока прохаживался по тротуару, чувствуя, что в желудке у него начинается пружинное жилище. Прошло пять, десять, полчаса минут... Он устал и принахлал к косяку двери молочной, бросая на старика убийственные взгляды.

Какого-нибудь он так внимательно читает! Можно подумать, что этот старик — его враг и, зная намерения голодного парня, решил помешать ему. Хотелось войти и сказать старикам, какой-нибудь крепкое слово, какую-нибудь дерзость, сказать, что он не имеет права загрохотать счет, вот так целый час и читать газету.

Рисунки П. Пинкиевича.

Моряк стоял, опираясь на поручни борта корабля. Казалось, он кого-то ждал.левой рукой он прижимал пакет на бедре, в масляных пятнах футболки, в другой его руке дымилась трубка.

На подъезде пути порта назад вагоном вышел высокий худой парень, остановившись на минуту, посмотрел на море и, словно чем-то расстроенный, зашагал дальше по берегу, засунув руки в карманы брюк.

Когда он проходил мимо корабля, моряк окликнул его по-английски:

— Эй, послушай!

Молодой человек поднял голову и, не останавливаясь, ответил тоже по-английски:

— Слушаю. Что надо?

— Ты хочешь есть?

Настало короткое молчание. Парень, видимо, обдумывая ответ и даже замедлил шаг, как будто собирался остановиться, но потом, грустно улыбаясь, ответил:

— Нет, я не голоден. Спасибо, моряк.

— Очень хорошо!

Моряк повернулся в другую сторону. А парень, смущенный тем, что его вид позволил матросу сделать такое предложение, ускорила шаг. Можно было подумать, что он опасался раскраскаться в своем ответе.

Скоро мимо моряка прошел бродяга. Вид его был страшнее: невообразимые лохмотья, большие рваные башмаки, длинная рязная борода... Синие глаза смотрели грустно и устало. Моряк без лишнего слова крикнул ему:

— Эй, есть хочешь?

— Не успел он договорить, как бродяга, лизавшись, загоровался взглядом в пакет, поспешно ответил:

— О да, сеньор, я очень хочу есть!

Моряк загогогал. Сверток мялупулы в воздухе и упал в жадные руки бродяги. Даже не поблагодарив, тот разорвал обертку еще теплого пакета, сел прямо на землю, потирая руки в предвкушении удовольствия...

Парень, прошедший здесь мину-

ПОВЕСТИ О ДРУЖБЕ

Наконец посетитель окончил чтение или, по крайней мере, прервал его; одним глотком допил он остаток молока в стакане, не спеша поднялся, расплылся и направился к двери. Вышел! Он оказался горбистым стариком и по внешнему виду походил на столяра или лаковщика. Ссутулившись на улице, он воздвиг на носок очки, снова уткнул нос между страницами газеты и пошел, тыхиво ступая, пометами останавливаясь.

Парень подождет, когда тот скрывается из виду, и вошел. Момент он в нерешительности стоял в дверях, не зная, как занять место. Но вот выбрал стакан и направился к нему. На полпути вдруг задумал, отступил, наткнулся на стол и, совсем сменившись, забился в угол.

Сейчас же подошла сенюра, обвратив трапикю столки и мятким, с еле заметным испанским акцентом вопросом спросила его:

— Кто вы молодой?

- Стакан молока?
- Да?
- Или только?
- Бискетты есть?
- Нет. Есть ванильное печенье.
- Хорошо, пусть печенье.

Когда сенюра отвернулась, он вытер о кофени исповитные руки, раскресился, как человек, выпитый после жестокой стужи, что-нибудь горячее.

Сенюра быстро вернулась, поставила перед ним большой стакан молока, тарелочку, полную печенья, и ушла обратно за стойку.

Первым его желанием было залпом выпить молоко, а потом съесть печенье, но он сдержался. Ему казалось, что глаза женщины внимательно следят за ним. Он не осмеливался взглянуть на нее. Он делал: сделал сейчас это, и она поймет его душевное состояние, его недобрые намерения, и он должен будет подняться и уйти, не поев.

Он медленно взял одно печенье, окунул его в молоко и сразу проглотил. Затем отпил глоток молока и почувствовал, что начавшееся разгораться в желудке жжение постепенно утихает. Вместе с тем была страшная действительность его положения встала перед ним, и что-то сжалось в груди, что-то начало подниматься от сердца к горлу. Он понял, что сейчас раздался. Раздался громко и в голос. И хотя он знал, что сенюра наблюдает за ним, он не мог преречь себя. Борясь с подступающей рыданиями, он поспешно, исп-

путанно жевал, боясь, что слезы помешают ему поесть. Когда же кончил, глаза заволокло туманом, и что-то таящее скатилось по носу и упало прямо в стакан. Ужасное отчаяние овладело им.

Он склонил голову на руки и заплакал горько, яростно, со всем паром, какой мог, так как еще никогда в жизни не плакал.

***

Он сидел, согнувшись, и плакал. Вдруг усталые руки ласково погладили его по усталой голове, и женский голос с приятным испанским акцентом произнес:

— Пачь, мальчик, пачь.

Новая волна боли охватила его глаза, и он заплакал с прежней силой, но на этот раз не с тоской, а легко, чувствуя, что какая-то болячка, облегающая свежесть проникает в его душу, тает горькие, тяжелые чувства, сдвигаяющие горю. Ему казалось, что жизнь его, чувства очинаются, светлеют, как стакан из-под молока под струей воды.

Когда протрясанный прошел, он уже спокойно вытер платком глаза и лицо, поднял голову и посмотрел на сенюру. Но она не глядела на него, а глядела в окно вдаль, на какой-то очень далекый предмет, и лицо ее было печально и серьезно.

На ступеньках ним стоял новый стакан молока и другая тарелочка, до краев наполненная ванильным печенем. Он медленно ел, ни о чем не думая, как будто бы совсем ничего не произошло, как будто он был дома. Это же женщина за стойкой — его мать.

Уже стемнело, когда он кончил, и молочная осветилась электрическими лампочками, послала ему немного, размышляя о том, что он скажет сенюре при прощании. Но ничего подходящего в голову не пришло.

Наконец он поднялся и просто сказал: — Большое спасибо, сенюра. Прощайте.

Прощай, мальчик... — ответила она. Вышел. Дувший с моря ветер освежил его еще горячие от слез глаза. Сначала он шел куда глаза глядят, потом стал спускаться по улице, ведущей к порту. Ночь была по-южному прекрасна. Огромные звезды горели в весеннем небе. Перед взором его появлялся пейзаж, который так ласково и уютно колышет с ним, и он решил заплакать за слезы и отблагодарить ее должным образом, как только у него будут деньги. Но и эти мысли исчезли, когда он увидел с жаром его лица. Он странно удивился, поймав себя на том, что машинально напевает что-то вполголоса. Он улыбнулся, легко расправил плечи, и лифт его стал твердым и решительным.

Привя в порт, он бодро прошагал его от начала до конца, ощущая, как слезы возвращаются к нему. Но вот усталость от работы медленно, словно мурашки, стала овладевать телом. Он шел на гору мешков, посмотрел на море. Огни причала и кораблей отражались в воде нежно мерцающими разноцветно-золотистыми дорожками. Он лег на спину, созерцая звездное бездонное небо. У него не было желания ни думать, ни пить, ни говорить.

Так он и заснул, повернувшись лицом в сторону моря.

Перевел с испанского
О. КИРИК.

У каждого писателя есть своя тема, в которой он возвращается снова и снова, которую он изучает наиболее остро. Для творчества Михаила Колесникова особенно близка жизнь Дальнего Востока, Монголии, Китая. И это не случайно: писатель, во раз сам съездил у костра в бескрайней монгольской степи, участвовал в переходе через Большой Хинган, бродил по горным ущельям маньчжурских городов. Нашим друзьям из Востоке посвящены многие рассказы М. Колесникова, о них же написаны повести «В городе долгой весны» и «Счастливы оазисы, объединенные под общим заглавием «Повести о дружбе!».

Не все равнодушно в этих двух произведениях. Однако заглавие, «Счастливы оазисы», хорошо выражает центральную мысль всей книги — дружбу народов, уверенность в строении своей жизни. Весь талант художественного произведения писателя — показывает отношение писателя к своему Союзу и Монголии, Советским Союзом и Китаем — государствам нового типа. Эти отношения не имеют ничего общего с теми, которые существуют между технически развитыми и отсталыми государствами капиталистического лагеря.

В повести «Счастливы оазисы» соотечественники помогают своим монгольским коллегам строить важные проблемы дальнейшего развития народного хозяйства МНР; советский медик Каканов и советские специалисты спускаются в горы к водопадам, которых до недавних пор «пользовались» шарлатаны-знахари; советский почвовед Петушков содействует увеличению богатства Монголии. Все это люди и эти люди отдали на благо нового, народного Китая советские люди — механизатор Никитин и инженер Орлов, герои повести «В городе долгой весны». Читая об их делах, о том, как относятся к своим русским братьям простые люди дружественных нам стран, проникаешься еще большей гордостью за свое социалистическое Отечество.

Объем повестям присущее то романтическое дыхание, которое особенно близко молодому читателю. Автор охотно делится искренностью своих героев людским делом, их стойкостью, силу воли в самых трудных испытаниях. Особенно это проявляется в повести «Счастливы оазисы». Автор раскрывает картину жизни огромной страны с ее уходящими за горизонт степями, жгучими пустынями, пыльными горами. И люди здесь не падают: проявляют силы, верные в дружбе и любви, прямые, бесхитривые. Таков, например, старик-монгол Лутенбу, друг и соратник героя Туранова.

Таков образ и представляет другого поколения передовых людей Монголии — молодого ученого Саиды. У Саиды нет еще настоящей уверенности в своих силах, но всегда حاضر жизненного и научного опыта. Но у него есть настойчивость, упорство, вера в правду того дела, которому он посвящает себя. И эти качества ха-

рактера, любовь к Отечеству движут всеми помыслами Саиды, помогают ему перенести трудности. Тем не менее в повести дружба между пожилым, многоопытным Турановым и Саиданом Гораздо слабее рассказав автор о взаимоотношениях между Саиданом и Долгором. Саидан любит эту девушку, любим ею, но воле автора между ними возникает всевозможные недоразумения, которые в жизни «продолжить бы могли» еще не. Вообще взаимоотношения в повести еще повелево. Шагами то и дело подменяет настоящие человеческие чувства. Кто бы сумел сказать, что это момент, когда он «порывался лично и шепнул доверчиво».

Не часто появляется в повести председатель арского объединения Цыбинкин, но в памяти читателей он остается надолго. Успешно нам полюбился Саидан, Аурзана и пастух Гончиг. Гораздо бледнее обрисованы образы врагов.

Важно на отдельных авторских прощаниях надо строить общую оценку повести «Счастливы оазисы». В целом это книга полезная и интересная.

Повесть «В городе долгой весны» написана от первого лица — как рассказ инженера Орлова, приехавшего вместе с механизатором Никитиным на крупную заводскую строительную стройку. Автор на протяжении повести сохраняет теплый, лирический тон разговора с читателем. Обязательны многие образы повести. Автор, как друг, так инженер Лю, девушка Тянь. К сожалению, этого нельзя сказать о китайском инженере Суе и его доверии Суи Юв-яну. А ведь они — и находятся в центре повествования.

Характер Орлова советский инженер совершает поступки попросту ослепле. Без учета необходимости, например, он изнуряет себя и заболевает. Создается впечатление, что автор нарочито и искусственно «усложняет» облик героя, без учета обрисовывает на Орлова всякие беды.

Инженер Суи своеобразен. Верный в его добросовестности, крепкий характер, убежденность. И именно в силу этих качеств Суи не мог так быстро отказаться от своей идеи, так быстро признать свое поражение в споре с Орловым.

В образе юной Суи Юв-янь есть черты, запоминающиеся черточки, но хочется пожелать ей больше теплоты, непосредственности.

В дальнейшем работе над повестью «В городе долгой весны» автору лучше отказаться от стремления «заинтересовать» читателя странными и необычными взаимоотношениями между любящими переживающими героями. Рассказ о тружениках Китая, об их величественных трудовых буднях, о дружбе с советскими людьми — это — главное.

Юрий УСЫНЧЕНКО

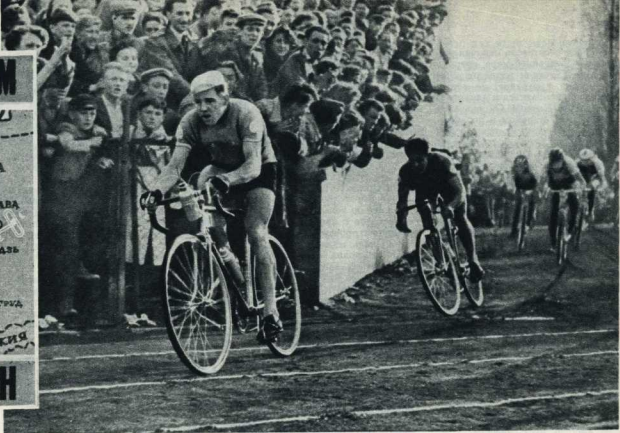
1 М. Колесников. Повести о дружбе. «Молодая гвардия». 1955.

ПО ДОРОГАМ

ТРЕХ СТРАН

Победитель велогонки Мира 1955 года Густав Адольф Шур (ГДР) заканчивает этап.

Советский спортсмен В. Вершинин получает телеграмму от мамы из Варшавы.

2 мая в Варшаве будет дан старт IX велогонки Мира.

Впервые это интересное спортивное мероприятие проводилось в 1948 году. По инициативе газет «Руде право» и «Трибуна люду» был организован массовый велопробег по маршруту Варшава — Прага.

В 1952 году трасса пробега удлинилась и стала проходить также по территории Германской Демократической Республики, через Берлин. В число организаторов велогонки Мира включается берлинская газета «Нёбес Лейтцланд». Велогонка получила еще большее политическое значение и, как и любое другое спортивное состязание, способствовала укреплению дружбы между спортсменами различных стран. Посланцы мира называют участников гонок.

Каждый раз организаторы соревнований несколько изменяют

маршрут с тем, чтобы принимать у себя спортсменов могли жители различных городов. В прошлом году гонщики стартовали в Праге, а финишировали в Варшаве. Путь продолжительностью более двух тысяч километров был разбит на 13 этапов. Гонки длились 16 дней. Маршрут нынешней, IX, велогонки состоит из 12 этапов. На этот раз старт будет дан в Варшаве, а финишировать спортсмены будут в Праге.

Президент Международного союза велосипедистов А. Жуанар, известный французский спортивный деятель, так же как и многие другие спонсоры, считают велогонку Мира неофициальным состязанием на первенство мира. Это действительно так. В гонке участвуют сильнейшие велосипедисты Бельгии, Франции, Чехословакия, Англии, Польши, Германской Демократической Республики, Болгарии, Румынии, Ни-

леди, Дании, Египта, Швеции, Албании и других стран. Последние два года в состязании велосипедистов принимали участие и советские спортсмены.

Гонщикам ежедневно приходится проехать около 200 километров. Несмотря на острую борьбу, состязание проходит в обстановке дружбы, товарищества. Во время минутишек гонок не раз можно было видеть, как спортсмены различных национальностей команд помогали друг другу, бера на себя лидерство. Нередко велосипедист, остановившийся в пути из-за прокола камеры, получал помощь от своего спортивного соперника.

А с какой любовью жители всего мира провожали в путь гонщиков! В каждом городе, откуда проходил новый этап, устраивалась торжественный старт. Под звуки фанфар в небо взлетали сотни гудков, и спортсмены, наступавшие

минутку, — сказала Черныльница.

— Что с вами знаем, что у нас в голове вестю уша черныльница. А на кухне никто не знала. Все поварила Черныльница, что она обдумала. Водородный Кран стал заранее заделываться от свеклы, исповинная исторно, которую сообрали рассказать, а Майнн думал: «Может быть, веина после этой самой минутьки почитится».

Таким образом, было решено рассказать Черныльнице несколько интересных историй.

КАК ВЕНИК СГОРЕЛ ОТ ЛЮБИИ

Первой начала Териз: — Было это очень-очень давно, в те времена, которые, конечно, веини не помнит. У нас тогда еще не было пылесоса, а его обязанности выполняла Веник — молодой блондин, чрезвычайно ветреный и легкомысленный. Он был красив и гордился своей красотой. Самой большой его гордостью была роскошная, пышная шевелюра. Однако Веник плохо относился к своим обязанностям и не раз говорил, что веини от работы лысеют.

На мой удивление, что это так, мне не пришлось убедиться в этом. Веник, о котором я говорю, не облысел. Он сгорел от любви. А случилось это вот как. Веник полюбил Печку. Полюбил он ее так сильно, как способно любить молодые веники.

Дни и ночи он говорил о ней, давая стихи ей писал. В таком духе:

Мая с тобою по пути,
Буду вместе мая идти.
Вместе петь и веселиться,
Вместе поману весты.

Веник нравился Печке: в нем были свои хорошие качества. Но она не хотела вести коммуну: у нее были другие обязанности. Она очень лю- била своим теплом согреть кастрюли, чайники, сковородки. В этом было ее призвание.

А Веник этого не понимал. Хотел он и не любил своей

работы, но так как ни на что другое не был способен, то так, что если и стоит чашечка, карандаз заниматься, так это подвешивания коммун. Долго уговаривала Веник Печку. И вот однажды, когда он пошел к ней со своим

СКАЗКИ ПОХОЖЕ НА БЫЛЬ

Рисунки Ю. Федорова.

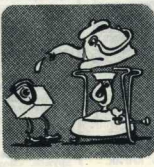
Однажды Черныльница случайно попала на кухню. Известно, что у Черныльницы в голове вестю уша черныльница, поэтому она и начала хвастаться. — Я писательница, — заявила она обитателям кухни. — Я привела сюда изучать вашу жизнь. Я привнесу совершенно кашеи, нула, а Чайник вскрипел: — Немного нас изучать! Заботились бы о том, чтобы нам лучше жилось. Меня вот вторую неделю уже не чистят!

Он был очень прямой и невыдержанным.

— Не горячись, — успокоил его Холодильник. — Горячность — это порок. Пусть лучше гражданка Черныльница объяснит, что ей от нас нужно.

Всем пришлось по нраву слова устного Холодильника, и в кухне установилась тишина.

— Пусть каждый из вас расскажет что-нибудь о себе или о своих знакомых. Я это все обдумано, а потом напишу

мые добрыми пожеланиями, направившись с центральной площадки к месту технического старта, который, как правило, давался на окраине. Финиш обычно проходил на стадионах, где тысячи зрителей восторженно чествовали победителей гонок.

VIII велогонку Мира выиграла сильная, сложенная команда Чехословакии, в составе которой выступали также опытные спортсмены, как Веселый, Кубер, Клик. Второе место заняла команда ГДР, третье — Болгария, четвертое — СССР. Последующие места разделили Бельгия, Польша, Дания, Швеция, Франция, Румыния. В личном зачете победил Густав Адольф Шур (ГДР), настойчивый и волевой спортсмен.

В команде Советского Союза выступали Вершинин, Чижиков, Бобров, Крутовец, Евсеев, Номтов. Советские велосипедисты не имеют такого опыта, как зарубежные. К тому же на первых этапах с дистанции сошел по болезням сильный гонщик Номтов, что значительно ослабило команду. Хорошо провела гонку Вершинин и Чижиков. Почти на всех этапах они финишировали в лидирующей группе. В этом году команда Советского Союза также примет участие в этом состязании.

С каждым годом растет популярность велогонки Мира. Она давно переросла рамки спортивного состязания и превратилась в подлинный народный праздник дружбы и мира.

Известный французский писатель Роже Вайян, присутствовавший на VIII велогонке Мира в качестве гостя,

— Мне кажется, что велогонка Мира — это выражение мирного сосуществования стран разных политических систем. В миниатюре это пример мирного сотрудничества между народами, и поэтому это спортивное состязание заслуживает своего прекрестного названия. Население трех республик вышло навстречу спортсменам, что доказано не все интересуется велоспортом, но люди приходили проголосовать за мир, поставили свои подписи под великим словом «Мир», и в этом политическая важность этого спортивного мероприятия.

Б. СЛИВКО

УДАЧНЫЙ СТАРТ

Мяч, описав над сеткой дугу, упал в угол площадки. Когда стили аплодисменты, судья объявил:

— Игр! Общий счет матча 3:2 в пользу команды гороа Куйбышева.

И тотчас с трибуны чей-то молодой голос крикнул:

— Эх вы, москвички! Вам в кудлы играть, а не в волейбол!

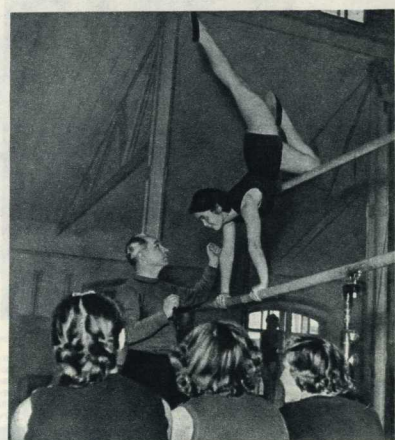
Волеболисты Москвы возмущались а разделять молча. Настроение у девушек было подавленное: первая игра — и проигрыш. А как тщательно готовились они к этой встрече, сколько было хлопот, разговоров перед отъездом в Харьков на розыгрыш первенства ЦС ДСО «Буревестник» среди производственных коллективов! Обсуждение игры началось сразу же за воротами стадиона. Первой заговорила Светлана Покровская:

— Не нужно было менять игроков, тогда не проиграли бы!

— А мне кажется, что мы сегодня просто растерзаны, — сказала Рокса Арсеньяна. — Играл же мы в Москве с сильными командами и выигрывали!

— Просто не думали, что встретим здесь таких сильных противников, — заявила Рокса Арсеньяна, высокая темноволосая девушка, недавно приехавшая в команду.

Разговор продолжался и в гостиной. В комнату девушек при-

Совсем недавно пришла в гимнастическую секцию младший научный сотрудник Ира Шаропа. Теперь она выполняет упражнение второго разряда.

Фото В. Романова и В. Тюккеля.

шел тренер Валентин Гаганов.

Нужно было разобрать игру, сделать выводы. Встреч предстало немного, и еще один прогноз наверняка лишил бы команду шансов выйти на первое место.

Валентин Гаганов считал, что команда в целом выступила плохо, технически и тактически игроки не уступали команде города Куйбышева, но в решающий момент не хватило выдержки. Спортсменки горько обсуждали свое неудачу, спорили, но тренер видел, что играть они будут теперь более энергично и расчетливо.

Следующую встречу волейболистки Москвы проводили в малой Костромь. Начав состязание в атакующем стиле, москвички одержали победу в первой игре.

Во второй — проигнужу удалось занять реванш. Наступил решающий момент встречи. Обе команды старались во то бы то стало захватить инициативу. Напряжение возрастало с каждой секундой. Одна за другой следовали рывки, точные подходы Конюновой и Арсеньяны. Сильные завершающие удары Покровской и Ушаковой все чаще достигали цели. Наконец прозвучал финаль-

обычным предположением «звезду комнату месту», из Печни выпал горящий уголек и ввинтил ввинтил ввинтил в винтил швеллеру. Винил загребнул.

— Смотри на него, и ничто его не покаял. Давне Довла которые горели на работе, выгнули из Печни и снова спрятались на неопределенно было видно, как лодка и здоровый Винил поплыли наплыва изловить обломком.

А старик, мудрый Самар, который теперь уже увер, проворчал: — Вот что случается с теми, кто забывает о своем назначении в жизни. Любовь приключилась помогать делу, а не мешать ему.

Плывущий обломки на работе, что так смело смотреть от любви, — сказала Сапожница Цвета, и все с ней согласились.

КАК ПОМОЧЛИ ПОМОЖНОЕ ВЕДРО

Всак очень понравился Рассказ Терин. Чернышкин задал ей еще несколько вопросов, уточнил некоторые обстоятельства, а потом при-

готовилась слушать новый рассказ. На это раз слово предоставили Ведоровскому Чрану.

— Вероятно, многие помнят то, что я сейчас рассказывал, — начал он. — В том углу, где сейчас находится специальный отсек для помощи Поможное ведро, в него слывали всякую грязную воду, а потом куда-то выносили.

Понятно, что Поможное Ведро удалось повзвять в заводе города Боткин, а каждому из нас, потому что оно каждый день бывало за пределами завода. Оно может быть, поэтому оно и знало, что оно не должно было смотреть на окружающую, говорил, что является эмблемой своего завода и Драгоценного в мире.

Уже недаром же со мной Чан посетил! — гордо заявил Поможное Ведро. — Все было неспроста, такое хвастовство, и Поможное Ведро у нас не любимо. Но оно то же не случило.

— Не нуждается в нас, — продолжило оно. — Что может быть общего у меня с вами — миллион, ничтожные социальные проблемы у меня в жизни весьма значительны.

Однажды, вернувшись с

очередной прогулки, Поможное Ведро сказала: — Поможное Ведро принесло несколько вадонов. Они совсем такие, как я, да еще меньше, только в дне у них маленькие отвер-

стием выполняли эту просьбу, и через несколько минут из них была полна воды. Когда пришла хозяйка и увидела, что Ведро течет, она Умыкнулась.

— Нужно его вычинуть, — сказала она. — Собственно, это нужно было сделать давно, но всех кучиных уже отняли, только я возмусь с этим противным Ведоров, которое надлегло стоило бери.

Поможное Ведро сразу понинило, услышав о том, что его ждет. Но ништо за него не вступили: все надлегло его самоуважением и хвастовством.

И его вычиннули.

О СПИЧКЕ, КОТОРАЯ ТАК И НЕ ЗАЖИГЛАСЯ

— Жила-была на свете Спичка, — так начал, в свою очередь, Утоп. — Как и все спички, жила она в спичечном коробке, как и все спички, форма была, когда придет время, что-нибудь зажечь, но смотрела она на жизнь не как все спички, а как на жизнь, — думала она. — Мне ли, которая рождена для того, чтобы нести в мир огонь, лежать здесь, в тес-

ном коробе? Здесь так много спичек, что среди них легко затеряться. А может случиться и так, что горю я, а меня приду совсем за другое спичку, что тогда делать? Нет, утку и отсюда, потому себе места не получше.

Так она и сделала.

Однажды, когда хозяйка открыла спичечный Коробку, Спичка незаметно выскользнула из нее и упала на пол. На нее не обратили внимания, и она продолжала тихонько лежать, ожидая наступления ночи.

Когда стемнело, Спичка встала, огляделась по сторонам и решила идти наугад — куда глаза глядят.

Так начала она свое путешествие по кухне, зашедшая ей огромной, необычной страной, потому что Спичка была не себе очень маленькая и все воспринимает в гораздо больших размерах, чем, например, мы. Утоп, когда шла она и наконец встретила Чайную Пломчу, которая не могла спать, потому что ее мучила изжога.

Чайная Пломча, конечно, приветствовала незнамянку, а Спичка, забывшая о своем телесном пути, решила дождаться до приятной беседы.

Когда на улице бесновалась зима, легкомыслие занимались в зале.

ный свисток. В этой игре москвички одержали две победы: над противником и над своей неуверенностью.

Следующие игры московские спортсменки проводили успешно. Мужская команда также выиграла все встречи. Когда соревнования закончились, волейболисты спортивного клуба Академии наук СССР — а именно они и защищали честь Москвы — увозили из Харькова хороший подарок своему клубу. В руках капитана команды Пелановой и Богданова поблещивали призовые кубки.

Спортивный клуб Академии наук — молодой физкультурный коллектив. Он существует немногим больше года. Но за этот срок здесь широко развернулась спортивная работа. В секциях борьбы, плавания, гимнастики, волейбола, баскетбола, фехтования, гребли занимаются до пяти тысяч любителей спорта.

Каждый день, сразу же после работы, молодежь спешит на стадион, в гимнастический зал, в плавательный бассейн.

...В небольшом зале, уставном мажорным матом, собираются любители борьбы «самбо». Условно нахлыло желающих заниматься

этим интересным и полезным видом спорта. Среди чемпионов секции — и кандидаты наук, и аспиранты, и научные сотрудники институтов. Здесь нет ни мастеров,

Волейболистки спортивного клуба Академии наук СССР — чемпионки ЦС общества «Вуревестник».

ни разрядников — все новички. Но многие из них уже достигли заметных успехов.

Вот тренер Николай Ерофеев и научный сотрудник Иван Атанов демонстрируют новые приемы борьбы. Атанов оказывает упорное сопротивление тренеру. Он оказывается борбой более около трех месяцев, но уже освоил элементы самостраховки.

В секции фехтования занимаются и ювочки, впервые вышедшие в руку рапиры, и опытные фехтовальщицы-первокурсницы Владимир Стрострый, Николай Колб, Вадим Ерофеев. Они охотно помогают своим молодым товарищам.

Лев Матвеев, учащийся технического училища, давно хотел попробовать свои силы в фехтовании. Записавшись в секцию, он вскоре убедился, что фехтование не такой уж легкий вид спорта, как ему казалось раньше. Здесь нужны сила, ловкость, хорошая реакция. Чтобы выработать в себе эти качества, надо постоянно трудиться. Но юноша не испугался трудности. Сейчас Матвеев активный участник секции фехтования.

На в одном виде спорта мастерство не приходит само. Толь-

ко долгий, упорный труд может привести к успеху. Особенно это чувствуется в гимнастике. Все упражнения спортсменки выполняют тщательно, кропотливо отработав их. Не у каждого хватит выдержки повторять сотни раз одно и то же движение. Но, тем не менее, в спортивном зале, где занимаются гимнасты, всегда многолюдно. Здесь можно встретить молодых научных сотрудников Юрия Смирнова, Николая Сивилева, Терентия Федя, лаборантов Иду Волкову, Клару Дунавскую.

Регулярно тренировались и лыжники. Лаборантки Татьяна Соколова и Валентина Горюнова, научный сотрудник Георгий Жолнов и библиограф Раиса Затрутина каждое воскресенье с утра приходили на стадион. Спортсменки точно выполняли все указания тренера Всеволода Южакова. Летом лыжники не собираются сидеть без дела. Легкая атлетика, баскетбол, плавание помогут им сохранить хорошую форму.

В секциях областного клуба Академии наук с каждым днем растет число желающих заниматься спортом. Сейчас здесь выполняется около трехсот тысяч и десятков тысяч спортивных разрядов. Только в соревнованиях по легкой атлетике участвовало более тысячи человек. Легкоатлеты и волейболисты клуба выехали в другие места в соревнованиях на переносно ЦС ДСО «Вуревестник».

Помимо центральных секций, в спортулте организации проводятся физкультурные коллективы, где занятия проводят инструкторы общественики. Между этими коллективами нередко проходит соревнования по волейболу, шахматам и настольному теннису.

Как правило, эти соревнования выявляют много новой и новой способной молодежи, которая совсем недавно не занималась спортом. Теперь многие юноши и девушки стали значимыми ГТО первой и второй ступени, получили разряды.

Работа спортивного клуба развивается все шире. И надо думать, что этот большой и сильный физкультурный коллектив вырастит еще немало хороших спортсменов.

Б. РОМАНОВ

— Что это за края? — спросила она.

— Это область Кухонной Шапки, район Второй Полюны, — любезно объяснила Чайная Полюна.

— Ну и далеко же я забрела! — воскликнула Спичка. — Далеко и не слышала никогда о таких местах. А что за народ здесь живет?

— О народ здесь разнообразный! Здесь вы встретите

тарелки, вилки — всех не перечислять.

— А спичек среди вас не водится! — задала Спичка вопрос, который больше всего ее интересовал.

— Нет, спичек мы не знаем. Спичка в душе обрадовалась, но сделала вид, что удивлена.

— Как же это вы в темноте живете? Разве женщины без огня? Вот я стану жить у вас, и вы узнаете, что такое огонь.

И Спичка поселилась в районе Второй Полюны.

Сначала обитатели этого края были удивлены появлению незнакомки, но потом привыкли, и некоторые даже стали относиться к ней с почтением.

— Спичка не чета нам! — заявила чайница. — Это талант, это гений Спичка даст нам огонь!

Но не были созданы все условия, ее как выражают люди, жили бы на руках, если бы у обитателей Второй Полюны был руки.

Но время шло, а Спичка все никак не совершила того, что ей так надо. И вот однажды — Я дам огонь, я дам

огонь! — говорила она и ничего не давала.

Да и не могла она ничего дать, потому что слишком далеко ушла от своей Спичечной Коробочки. Спичка запретила ей Коробочку Спичка запереть на замок.

ЛЕГЕНДА О ТРЕХ ОГУРЦАХ

Рассказ Утопа прозвучал впечатлительно все замужам, и даже Черныльница слегка побобала черныльцам, diciendo, что думает, знает слово предостригать. Глубокой реке, которая больше всего глубоководной и всегда вывалила в сучье дела.

— Я рассказываю вам старую

легенду, которую слышала в детстве от бабушки Миски, — сказала она.

Купила когда-то хозяйка три Огурца. И случилось так, что пошел один из них свиной, а два других — ласковые старички, вилки.

— Так хотеть сказать — сказал один из старых Огурцов своим друзьям.

— Что-нибудь надо придумать, чтобы спастись отсюда, — сказал ей Второй Старый Огурец.

— Что мне придумать! — сказал Первый. — Вот видите, рядом стоит Ведро. Спринчем в нем — и нас не найдут.

— Огурцы на то и существуют, чтобы нырять в ведро, а не в воду, то же самое, — сказала хозяйка.

Два его товарища над ним смеялись и спрашивали в Ведре. Наутро их выбросило на помойку, где они спички, не принесли работы на себя ни другим.

Третий Огурец вместе с Луком и Помидором попал на стол в салат. Все они его и съели. И даже старенький, маленький мальчик, который

только что выучился говорить, сказал: — Огурец, какой же он вкусный!

***

Когда Тарелка очнулась после сна, она решила просить Черныльницу, чтобы та сама рассказала ей что-нибудь.

— Но выяснилось, что Черныльница не захватила с собой никаких посильных и консервов, а без них она не могла выжить.

И Черныльница моментально затерялась и начала прощаться. Она еще раз пообещала написать историю о том, как рассказала чайнице.

И написала. Но так как в голове у нее было только черныльничье, она все перепутала. Главным героем ее книжки стал не Огурец, а Помидор.

А больше всех досталось Саше-мужу Огурцу и Печке, которая не хотела жить в черныльничьем месте.

Одно утешительно: ни книгу Черныльницы никто не читал.

С. Утопагод.

НА ШЕСТОМ МАТЕРИКЕ

ДНЕВНИК
АНТАРКТИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

Мастер сатирического рисунка

20 февраля. Рефрижератор № 1, доставивший заморозенную продовольствие, ушел в новый рейс. Ему предстоит обогнать чуть ли не всю Антарктиду, чтобы встретиться с южной флотилией «Сова». После этого судно возьмет курс на Калининград.

В Мирном продолжается стройка. Скоро пойдет в строй мощная зарядная, монтируется приемная радиостанция.

29 февраля. Морской отряд экспедиции во главе с доктором географических наук А. Востокмечер на дизель-электрорходе «Обь» покинул район Мирного и отправился в большой рейс в воды Антарктики.

Провокатор «Обь» вышло все население Мирного. Герой Советского Союза М. М. Соколов поздравил моряков за то, что они приняли голубое участие в создании Климатической обсерватории. Прозвучал зал салюта. «Обь» дала три прощальных гудка и через некоторое время сорвался за ледяными глыбами.

Дизель-электрорход совершил большое плавание с научными целями. Его маршрут пролегал вдоль южного побережья Антарктиды, потом на север до Новой Зеландии, далее и берегов Австралии. Затем «Обь» снова вернется в море Дейвиса. Отсюда через западную часть Индийского океана судно выйдет в Атлантику и отправится в родные берега, в Ленинград.

Советские ученые, находящиеся в борту «Обь», проводят научные исследования. В частности, например, исследователи изучают теплообмен и теплообмен между областью австралийско-антарктической ветви и Тихим океаном.

3 марта. Мирный построил. Начался строительство и организации еще двух научных станций в гавани материка «Советской» и «Восток». Одна из них будет основана в районе Южного полюса, другая — в районе геомагнитного полюса.

На диком геомагнитном полюсе на самолете «АН-12» вылетела группа антарктиков во главе с М. М. Соколовым. Полет продолжался около десяти часов. Исследования показали влияние континента более чем на 1 200 километров. Они заметили, что ледяные пласты по мере удаления от южного материка высветлеют. Самолету приходилось лететь на высоте более трех тысяч метров над уровнем моря. Ни гор, ни трещин, ни выходов материковых пород не обнаружено. Под крылом самолета виднелся гладкий, заснеженный ледяной массив. Температура в районе геомагнитного полюса — 53 градуса мороза. Организация станции «Восток» будет делом очень трудным, но ученые считают, что, как бы ни велики были трудности, их можно будет преодолеть.

7 марта. Продолжаются разведочные полеты. Вечером вертолет Мирного снова поднялся самолет и взял курс на геомагнитный полюс. На одном из пластов он опустился. Посмотрели на термометры: 50 градусов ниже нуля. Это очень мало. Ведь раньше существовали предположения, что с ледяного плато Антарктиды, находящегося на большой высоте, самолет взлетит не может из-за большой разреженности воздуха.

8 марта. Получена любовная нота от «Обь». Вечером при следовании на море Дейвиса экипаж дизель-электрорхода обнаружил неизвестный архипелаг, состоящий из трех островов. В честь Международного зимнего дня острова назвали архипелагом 8 марта.

2 марта. Мирный установил прямую связь с Москвой. Скоро станция сможет разговаривать с земными по радиоэфедру.

Остается считанные дни до пуска дизель-электрорхода. Его мощность будет обеспечена электростанцией. Строить электростанцию помогают моряки «Сова».

17 марта. Сегодня экспедиционная судна «Сова» покинула берег у поселка Мирного. На антарктических материках остались теперь только один антарктиков.

Семейная рубашка.

Средство для выращивания волос.

Кандидат и депутат.

Имя Херуфа Видустрпа простые люди давно прознали с гордостью: это их любимый художник, их друг, соратник по борьбе за мир и независимость страны, буржуа ненавидит и боится Видустрпа. Они пытались подкупить художника, заставить его талант служить их грязным целям, но ничего из этой попытки не вышло. Как только датские коммунисты в 1945 году создали свою газету «Ландс бек Фольке», художник-коммунист Видустрпа стал ее постоянным сотрудником.

Раскрывая свежий номер этой газеты, датчане с интересом рассматривают карикатуры под рубрикой «Любопытный Видустрпа». Темные рисунки разнообразны. Сатирик раскрывает преступную политику «холодной войны», срывает масок с иждивателей реакционных газет, показывает позор предательство социал-демократов. Зато сильно в произведении Видустрпа любви и простым людям, с какой теплотой улыбкой изображает он их забавные приключения, радости и горести!

Искусство Херуфа Видустрпа реалистично, его рисунок подкупаете прост и экономно. Каждый серию созданных им карикатур — это маленькая новелла с самостоятельным сюжетом; последняя картина — развязка — всегда неожиданна.

«Не удивительно, что мы, прогрессивные датчане, любим Видустрпа. Мы видим в нем одного из лучших наших людей и признаем за ним неизменное мнение, что он один из самых значительных политических карикатуристов. А кроме того, он сердечный и лирич. его полное юмора серию картин распространены по всему свету и передают чужеземное тепло, без которого даже самая прогрессивная политика была бы подобна «холодильнику»», — так говорил о Видустрпе его соотечественник, выдающийся писатель Мартин Андерсен-Нейс.

Мы помещаем несколько рисунков талантливого художника-сатирика.

Предатель.

«СМЕНЫ»

(Начало см. №№ 2, 4 и 6 журнала)

IV. РАЗБОР ШАХМАТНЫХ КОМБИНАЦИЙ

Комбинация на шахматной доске — это форсированный вариант, содействующий тонкой маневр или вострую борьбу. Комбинация — это то, что рождает шахматы с искусством, доставляя подлинно эстетическое наслаждение. Не будь в шахматах комбинация, игра превратилась бы в механическую перестановку фигур полей, потеряла бы свою художественную ценность.

Шахматные комбинации как в партиях, так и в композициях (задачках, этюдах) бывают различными как по внутреннему содержанию, так и по внешнему виду. Одна комбинация основывается на связи неприятельской фигуры, другая — на двойном пешеходном положении рокировки и т. д. Встречаются комбинации, затрагивающие материальную атаку на короля, а также и патовые, где незваный герой — исходу — достижение неизбежного пересечения.

Каждая шахматная партия, то бы ее ни играли, редкой исключений или известнейший мастер, посвящая комбинациям, глубоким, рассчитанным на десятилетия, тактике — полтора ходов со многими разветвлениями или же миниатюрными, и коротких черед два-три хода все становится ясным.

Приведем как предельно четким 10 комбинационных примеров, которые нужно проанализировать самостоятельно в расчет с вариантами, мы продемонстрируем две комбинации из творчества выдающегося русского шахматиста М. И. Чигорина и А. А. Алехина.

В партии Чигорина — Дамаскистрани (1878 году) фигура на доске выглядела так: **Белые** — Кр1, Ф4, Л1, Л1, С4, Н6, п2, а2, б2, д3, е4; **Черные** — Кр8, Ф5, Л4, Л8, С6, С7, Н6, п7, а7, б7, с7, е7, в7, в7. Чигорин уже в начале второй партии ради атаки повернул короля. Сейчас он вынужден бороться эффективной комбинацией, жертвуя подд. вост. слона и короля. Кословало: 20. Л1:е5! де 21. Ф:е5 С:р4 22. Фс4+Кр8 23. Сб5 Кр 10 24. Сб7 Кр8 25. Фс4+Кр8 26. Каб+1 б7 27. Фх4.

В позиции (**Белые** — Кр1, Ф4, Л1, С4, Н6, п2, а2, б2, д3, е4, в7, в7; **Черные** — Кр8, Ф5, Л4, Л8, С6, С7, Н6, п7, а7, б7, с7, е7, в7, в7).

Черные — Кр8, Ф5, Л8, Л8, С6, С7, Н6, п7, а7, б7. Алехин выиграл у Торреса в 1922 году следующей великолепной комбинацией с жертвой ферзя: 24... д4! 25. е4. ед 26. С:д4 С:д4 27. Л:д4 Л:28. К:х4 Ф:х3! 29. Ф:х3 КИ2+30. Кр1 КИ3.х3.

№ 1
Ход белых. Как вы присудите, была бы эта позиция? (1 балл).

№ 2
Белые — Кр1, Ф1, Л1, Л1, С4, С5, Кс3, Кд4, п2, а2, б2, с2, е4, е4, в2.
Черные — Кр7, Ф7, Л8, Л8, С6, С7, Кс7, Н6, п6, а6, б6, е6, е7, в7.
Нельзя ли организовать атаку на черного короля комбинационным путем? (1 балл).

№ 3
Белые — Кр1, Ф3, Л1, Л1, С4, Кс6, п2, а2, б2, с2, д2, е2, в2.
Черные — Кр7, Ф5, Л8, Л8, С6, С7, п7, а7, б7, в7, е7, в7.
Как может последовать, если взять пешку а2? (2 балла).

№ 4
Белые — Кр1, Ф1, Л1, Л1, С4, С5, Кс3, п2, а2, б2, с2, е4, в2.
Черные — Кр8, Ф5, Л4, Л8, С6, С7, Н6, п7, а7, б7, с7, е7, в7, в7.
Как бы вы вели в данной ситуации атаку, играя белым? (2 балла).

№ 5
Белые — Кр1, Ф2, Л1, Л1, С6, КИ2, п2, а2, б2, в2, д3, е4.
Черные — Кр8, Ф8, Л4, Л8, С7, С6, п7, а7, б7, в7, е7, в7.
Ход черных. Каким образом вы предотвратите наступление? (2 балла).

№ 6
Белые — Кр1, Ф7, Л1, Л1, С1, Кс3, Кс3, п2, а2, б2, с2, д2, е2, в2.
Черные — Кр8, Ф7, Л8, Л8, С6, С7, Н6, п7, а7, б7, с7, е7, в7.
Оцените комбинационные возможности белых в этой позиции? (2 балла).

№ 7
Белые — Кр1, Ф5, Л1, Л1, С4, Кс4, Кс5, п2, а2, б2, с2, д4, г2, в2.
Черные — Кр8, Ф7, Л8, Л8, С7, С6, Кс6, п7, а7, б7, с7, е7, в7, в7.
Какие атакуемые продолжения вы предложите в этом положении? (2 балла).

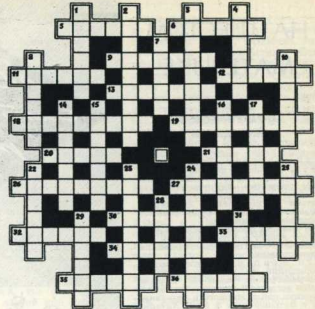
№ 8
Ход белых. Какой красивой комбинацией они добьются победы? (2 балла).

№ 9
Белые — Кр1, Л6, С2, КИ3, п2, б2, в4, с2, е7, в7.
Черные — Кр7, Л7, КИ1, п7, К8, б6, с3, д2, е6.
В состоянии ли белые уйти от поражения? (3 балла).

№ 10
Белые — Кр1, Л5, Л1, С4, п2, б2, а6, с2, е3, в2.
Черные — Кр8, Л8, Л1, С7, п7, а6, с5, е4, в8, а7.
Ход белых. Как, по вашему мнению, должна закончиться борьба при наилучшей игре обеих сторон? (3 балла).

.....
Ответы на вопросы четвертого раздела олимпиады сопроводителем подробным разбором преданных позиций, полностью вскрытия их комбинационного содержания. Срок предоставления ответов по разделу комбинаций — 10 июня 1956 года.

Мастер В. ЛЮБЛИНСКИЙ

КРОССВОРД

Составил Е. Тихонов (г. Ленинград).

По вертикали: По горизонтали:

1. Известный русский художественный и музыкальный критик. 2. Отличнейший приобщ. 3. Выдающийся советский педагог и писатель. 4. Сборка и установка машин, сооружений. 7. Одна из основных наук естествознания. 8. Банкетный зал. 9. Русский певец. 10. Действующее лицо оперы С. Гуляево-Молочко «Запорожец за Дунай». 14. Раздолье. 15. Проводка. 16. Герой Советского Союза, участник подпольной комсомольской организации «Молоток выжигача». 17. Высочайшая горная система. 22. Ступня автомобильной советской республики. 23. Номера Д. Фоминина. 24. Група лиц, объединяемых общей работой, общими интересами. 25. Химический элемент. 28. Документ о страховании. 29. Курорт на южном берегу Крыма. 31. Интегральный танец.
5. Государство в Европе. 6. Город и порт на юге Китая. 9. Славянский уличный вод в реке. 11. Режиссер и актер, народный артист СССР. 12. Одно из самых густых озер. 13. Военный корабль. 18. Роман Ф. Достоевского. 19. Общественный центр в Казахской ССР. 20. Предварительный набросок. 21. Руководство факультета. 28. Устройство для оттопления помещений. 29. Известно 30. Травянистое растение семейства уховых. 32. Метод научного исследования. 33. Периодическое явление событий, изображаемых в художественном произведении. 34. Сельскохозяйственная машина. 35. Сосуд для плавки металлов. 36. Великий английский писатель.

Загадки полюса

Где на земле можно соорудить дом, если все четыре стены которого были бы обращены на север?

Такой дом будет сооружен в полярной Арктике, когда исследователи Антарктиды достигнут Южного полюса. Стенками одного из американских станций будет находиться на самом полюсе. Что же обитателям зимнего шара полярная жизнь всех и центру Земли?

Наша планета не имеет строго шарообразной формы, она сплюснута у полюсов. Земной радиус, проведенный в полюсе, имеет на километр морю радиуса, проведенного у южного полюса (если бы тогда жить на уровне моря). Так как на Южном полюсе находится Южный полюс материи, а на Северном — море, то, значит, исследователи Северного полюса были бы в центре Земли.

На первой странице обложки и комсомольско-индустриальной Первого всесоюзного шифроподпольного завода Райса Захарина. В предисловии коммунистическом соревновании Райса добавлялись новых производственных успехов. Сменные задания она сменитическими первыми в полтора часа. Фото И. В. Арутюнян.

На четвертой странице обложки: Ленинград Ледоход на Неве. Фото И. Голанда.

Главный редактор М. А. Вельчко.

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правда», 24. Мад. № 352.

Тел. Д-934-24.

Заказ № 844.

А 00393.

Формат бумаги 70 x 108/16.

Технический редактор О. Шлово.

Е. Бедкова, Н. Жуков, В. Куламы, М. Лукоцкий.

Подписано и печатно 6/VI 1956 г. Тираж 250 000 экз.

1,75 бум. л.—4,8 печ. л.

ВЕСЕННИЕ МЕЛОДИИ

Рисунок В. Кащенко.

Цена номера
2 руб.

